

Глава 25. Щедрые души

«Мы стоим на пороге великой эры. И хоть направлял ваши старания я, это стало возможным благодаря именно вашему труду. Поскольку, да, свобода — это то, над чем мы все сейчас работаем.»

[<<< оглавление >>>](#)

Одна.

Я отдала Каламити всё своё имущество, даже комбинезон. Рыцарь Маковка принесла мне грязную, мерзкую рабскую одежду, чтобы я могла обмотать ею свою переднюю правую ногу, дабы скрыть ПипБак. В комплекте с палкой и пятнами крови можно было бы предположить, что моя нога была сильно ранена (если кто-нибудь спросит, я скажу, что она была пронзена куском арматуры).

После этого меня сковали (как и работоторговцы ранее, Рыцарь Маковка не смогла сковать мои копыта должным образом из-за моего ПипБака, так что ей пришлось заключить меня в кандалы выше колен). Я левитировала себя в рабскую клетку на колёсах и поставила на подстил из заплесневелого сена, заполненного маленькими назойливыми жучками. Не прошло и нескольких минут, как я уже ощущала себя жутко неудобно. А если ещё учитывать, что меня вчера вечером почти оттрахала в хвост гигантская пылающая Пинки Пай, я выглядела сейчас действительно жалко.

Мне было позволено положить несколько заколок в свои лохмотья, но я могла только надеяться найти отвёртку по другую сторону Стены.

Затем, с озабоченными прощаниями, мои товарищи оставили меня в покое. Я должна была лежать и ждать, когда работоторговец Красного Глаза, подкупленный Стальными Рейнджерами (а возможно, они добились сотрудничества с ним и менее достойным образом), явится за повозкой для рабов.

Я забыла, каково это быть одной. Я провела всю свою жизнь в одиночестве. У меня не было друзей, когда я выросла. И моя мать, сколько бы я её ни любила, была не из тех родителей, с которыми кобылка могла бы чувствовать себя "вместе". Одиночество — это холод и скука, в которых чувствуешь себя несчастной. Это ноющая, причиняющая боль пустота, которая должна быть заполнена. И мои маленькие хобби и увлечения никогда не могли её заполнить. Потому что это была дыра, которая может быть заполнена только общением.

Когда я росла, самым близким мне была музыка — пение на радио Стойла Два. В музыке я ощущала присутствие ещё одной пони, которая пыталась установить связь. И я могла делать вид, что эта пони пытается соединиться именно со мной, а не с любым, кто слушал. Иллюзия не была совершенной и сохранялась только во время песни. Но пока музыка играла, мираж дружбы помогал защитить меня от холода.

Излишне говорить, что это были песни Вельвет Ремеди и что их я любила больше всего. Я даже влюбилась, думаю, в мечты о ней. Я до сих пор помню боль, когда мой глупый и нереальный мысленный образ был разрушен реальностью, стоящей в вагоне поезда. Реальностью, что она не пленница в городе работоторговцев. И даже тогда, думаю, я всё ещё цеплялась за маленькие фрагменты моей мечты-Ремеди. До того дня, когда она выстрелила в меня.

Тем не менее, я не обменяла бы мою настоящую дружбу с настоящей пони на что-либо. Тем более на отношения с моей двумерной мечтой. То, что я имела, было лучше. Гораздо лучше. Потому что это было реально.

Когда я покинула Стойло Два, моя жизнь изменилась навсегда. И самое резкое изменение — это не огромные открытые пустоши или солнечный свет, едва пробивающийся через облака. Это не ужасы, жестокость и злобность, которые я видела, и не вся та боль и страдания, которые я испытала. И даже не растущая река крови, в которой я топила себя.

Самым резким изменением была дружба. И она началась только через несколько дней, как я покинула Стойло. С пони по имени Каламити.

Каламити отличался от любого пони, которого я когда-либо встречала. Он обладал бесстрашием и благородством, к которым я могла только стремиться. И он заботился обо мне, как никто раньше. Даже моя мать никогда не заботилась обо мне так, как он. Он был готов стоять за меня, даже когда я была глупа и неадекватна. Не то чтобы мы всегда соглашались, а даже наоборот — достаточно часто спорили. Но он доверял мне, и он был кем-то, кому я могла безоговорочно доверять в ответ.

Я охотно признаю, я была ревнивой, когда Каламити и Вельвет Ремеди начали сближаться. (И, оглядываясь назад, я должна задаться вопросом, было ли моё убеждение, что они были парой, уже точным или же самосбывающимся пророчеством?) Как же глупо я должна была себя чувствовать по этому поводу. Но дружба была и всё ещё является чем-то новым для меня. И мне предстояло много уроков, чтобы узнать о ней (и много, много больше, если верить огромному количеству историй Спайка).

Лишь только после того, как я смогла принять их близость и найти в ней утешение, моё сердце стало действительно достаточно открытым, чтобы принять Хомэйдж. У меня была дружба, но пустота в душе была гораздо глубже. Я хотела большего, чем товарищеские отношения. Я мечтала о любви и о физической близости.

Я также признаю, что, когда Хомэйдж открыла для меня эту возможность, я была привлечена к ней из отчаяния. Но это изменилось. Она изменила это. Кроме того, я бы не стала винить пони, которые могли бы подумать, что наши отношения были быстрыми и краткими. Хотя и верно, что я встретила её в шкурке и гриве только в Башне Тенпони, но я много знала о ней и до того, как встретила её с ней лицом к лицу, как и она знала обо мне. По правде говоря, я знала Хомэйдж почти так же долго, как я знала Каламити.

Правда, я не знала её глубоко и лично до Башни Тенпони, но кто действительно знает своих друзей в первые несколько недель? И я могла бы с уверенностью сказать, что связь у нас была построена ещё до встречи и был заложен прочный фундамент. Я могу сказать это в значительной части благодаря честности, которую, я поняла, воплощает Хомэйдж. Хомэйдж, которую я узнала как диджея Пон3, была и оставалась настоящей Хомэйдж. Пусть лишь частью её, и не без прикрас, но всё же настоящей.

Хомэйдж знает меня сильную, но она также знает меня слабую, худшую. И вместо того, чтобы

отстраниться, она обняла меня. Она держала и утешала меня. И она сделала гораздо больше — она позволила мне близость, о которой я раньше только мечтала и, как правило, стыдилась этого в себе. С Хомэйдж мне не стыдно.

После того, как я увидела воспоминания СтилХувза, печальное понимание вкралось в мои мысли. Он был единственным из моих спутников, кто был в подобных отношениях (пока что... если только Каламити и Вельвет Ремеди не умудрились быть хитрыми и скрытными в намного большей степени, чем я им приписывала). Как и у меня, у него была пара, которой он мог доверять, быть открытым и честным с ней. И так же, как и я, он предпочёл некоторые вещи от неё скрывать. Я совершенно уверена, что он не рассказал Эплджек про совершенное им убийство. И я, в моём случае, скрыла от Хомэйдж... ну, ещё одно его убийство.

Думая об этом, я внезапно увидела жуткую параллель.

СтилХувз однажды сказал, что я узнаю, что он не был "лучшим пони" (что, как я уже поняла, было истиной) точно так же, как когда-то узнала и она. Я могу лишь догадываться, что случилось между ними, но я знаю, что они были вместе, когда начали падать мегазаклинания. Думаю, что они пытались вернуть те отношения, которые были испорчены его секретами. И я также знаю, что в конечном счёте она оставила его. Она предпочла ему свою семью и оставила его.

И он живёт с этим отказом уже две сотни лет. Один.

С болью в сердце и чувством неловкости я поняла, что отчаянно желаю поговорить с Хомэйдж. Если повезёт, я смогу сделать это, как только мои друзья перехватят контроль над башней. Я задалась вопросом, смогу ли я поговорить с ней, просто говоря в воздух. Но, судя по тому, что я слышала, мне, скорее всего, придётся самой придти на станцию, чтобы пообщаться с ней в живую. В любом случае я решила рассказать ей правду. К лучшему или к худшему.

В отличие от хобби и увлечений моей одинокой юности, дружба действительно может заполнить ту пустоту в душе достаточно, чтобы можно было быть счастливой. Хотя я обычно и не считаю свой опыт в Эквестрийской Пустоши чем-то счастливым, но я действительно была здесь так счастлива, как никогда в Стойле Два.

Быть с друзьями — всё равно что укрыться одеялом от холода. Это оплот, делающий вас сильнее. Связь, которая делает вас чем-то большим. Без друзей я была беззащитной, маленькой и слабой.

И, отклоняясь от темы, страдающей от чесотки.

* * *

Ограждающая забаррикадированные внешние ворота плетёная металлическая сетка потрескивала энергией. Охранники с забавой наблюдали за тем, как работороговец тащил мою тележку к Стене.

— Только одна? — спросила охранница. Она носила тяжёлую броню с боевым седлом, на котором крепился четырёхствольный боевой дробовик. Зрелище, которое заставило меня съежиться. — Целая повозка только для одной? Расслабился, Гнаш?

Работоторговец, тянувший мою повозку, лишь хмыкнул. Я почесала шею задним копытом и постаралась больше не вздрагивать каждый раз, как повозку тряхнёт, пока мы ехали по разбитым каменистым улицам. У меня была несбыточная надежда, что рабам предоставляют ванны.

— Да ещё и такая мелкая, — сказал охранник-единорог в подобной броне. Я не заметила у него никакого оружия, за исключением его рога и копыт. Я подумала, делает ли это его более или же менее опасным? — Не будь у ней рога, я б сказал “брось обратно в озеро”.

Зуд был просто ужасен, мне захотелось и впрямь быть сброшенной в озеро. А также мне пришло в голову, что это был не первый раз, когда работоторговец говорил о единорогах как об особо ценном товаре. Не шибко удивительно, учитывая, что единороги в Стойле Два занимались технической работой благодаря возможности тонких манипуляций нашей магией. Я гадала, что же за работу Красный Глаз поручал нам. И, наверное, я узнаю это достаточно скоро.

Пока пони с четверным дробовиком держала меня на прицеле, её коллега-жеребец опустил рычаг, вырубив электрический треск сетки-забора. Он нажал копытом на кнопку, и часть сетки-забора начала с грохотом сворачиваться, открывая нам проход. Пони с четырёхстволкой, как и два снайпера, скрытых в стальных бункерах, расположенных по обе стороны от ворот, продолжала держать под прицелом меня, одну-единственную единорожку в клетке, закованную в кандалы. Были видны головы патрульных пони, идущих по возвышению позади стены. Даже зная меня, чувствовалось, что это был явно перебор.

Грифон сделал вираж над головой, проверяя последнюю поставку, и улетел смеясь.

— Во имя сам-знаешь-кого, Гнаш, когда я только увидела её, подумала, что ты и впрямь притащил жеребёнка! — засмеялась охранница, заставляя меня чувствовать себя ещё меньшей. — Я подумала, не стоит ли снести тебе голову, прежде чем Стерн доберётся до тебя.

Гнаш, мой "шофёр", лишь ещё раз хмыкнул.

— А это ещё что? — спросил охранник-единорог, глядя на меня. Его рог засветился, и ржавое зазубренное копыё двинулось ко мне сквозь решётку. Я отпрянула назад. Единорог нахмурился, подцепил наконечником копыя окровавленную тряпку, обматывающую мой ПипБак, и стянул её.

Дерьмо! Я ещё не успела попасть за ворота, а план уже начал рушиться.

— О, — сказал он с противной улыбкой. — Думаешь, ты умная пони? — Он жестоко ухмыльнулся. — Давай посмотрим, насколько умной ты себя почувствуешь внутри.

Внутри? Неужели он решил меня изнасиловать? Меня поразил приступ паники. Или просто провести через ворота?

Кобыла-охранник смерила его взглядом, а затем жестоко засмеялась.

— О, пожалуйста, сделай это! Чёрт, я даже подержу её для тебя! — Она одарила своего спутника

злой ухмылкой. — Пятнадцать минут веселья... а потом неделю будешь чесаться в паху из-за кусающих тебя там сенных жучков!

Я вдруг почувствовала благодарность к заражённому сену.

Единорог отошёл назад, выглядя испуганным, затем хмуро посмотрел на кобылу.

— Ты бы неплохо повеселилась с этого?

— А то! Поболее, чем с самой жизни. — Какая отвратительная парочка.

— Вот ещё! — Он нажал кнопку, чтобы закрыть внешние ворота, и махнул копытом снайперу. — Пропускай! — Он одарил меня ещё одним взглядом, на этот раз полным отвращения. Его глаза наткнулись на мой ПипБак, теперь частично видимый под тряпками. — Да, и покажите её доку Слаутеру. У неё один из этих терминалов на ноге, которые хер снимешь.

Для пони, которая так сильно разочарована, что у неё кьютимарка в виде ПипБака, я была действительно в ужасе от мысли, что могу лишиться одного. Судя по реакции единорога, эти работоторговцы уже видели ПипБаки раньше. И у них были способы их снять.

Он повернул рычаг, и забор вокруг нас начал снова потрескивать и гудеть.

С раздирающим скрежетом огромные внутренние металлические ворота Стены начали опускаться на массивных цепях — подъёмный мост, дополняющийся рвом за внутренней стороной Стены. Мой ПипБак начал быстро щёлкать, улавливая радиацию, просачивающуюся из ила. Стена явно была предназначена для того, чтобы помешать любому выйти, так же как и помешать любому войти.

После я получила первое представление о внутреннем городе Филлидельфии. Рабовладельцы стояли на страже покрытых сетками ям, одетые в плащи и газовые маски, направив оружие вниз, где бедные пони трудились до изнеможения. Я не знала, какую работу они выполняли, но видела, что они были грязными, больными и дрожащими.

Из ближайшей ямы росла дымовая труба. Адский, окрашенный в красный дым поднимался столбом из нее. Я закрыла рот от зловония невымытых пони и вредных газов.

Мимо трубы пронеслась ярко-жёлтая с зелёным полоса и села на соседнюю груду щебня. Паерлайт! Она подняла свою голову ко мне.

Я была не одна.

* * *

"Узрите же!" — раздался голос Красного Глаза. — "Мы стоим на пороге нового рассвета. С каждой фабрикой, что мы восстанавливаем, с каждым заводом, что мы отстраиваем, мы делаем большой шаг к той Эквестрии, в которой наши дети смогут жить в безопасности и комфорте современного города, а не пресмыкаться в ветхих руинах прошлого. Из камня, стекла и стали

этих заводов мы можем построить дома, небоскрёбы, дороги и общественный транспорт, которые подарят свободу и процветание грядущим поколениям! Это, дети мои, самое последнее поколение, которое должно съёживаться в пещерах и вести борьбу за остатки двухсотлетней еды."

Филлидельфийское радиовещание льётся повсюду. Сообщения и музыка нон-стоп — постоянные спутники как рабовладельцев, так и рабов.

Гнаш протащил повозку мимо ещё нескольких ям и остановился у бывшей стоянки. Я закашлялась. ПипБак не постеснялся сообщить мне, что газ, шедший из дымовых труб, был токсичен. На охранниках были противогазы, но с рабами они поделиться ими, похоже, не могли. Меня уже трясло от гнева. Расход живой силы здесь, должно быть, просто невообразим.

Стоянка наполнилась повозками, большинство из которых уже опустели. Тянувшие их пони выгнали рабов из клеток и собирали их сейчас на свободной части мостовой. Ворота, через которые я сюда попала, были не единственными, и я здесь была не единственным новоприбывшим.

Гнаш открыл мою клетку и сунул в неё свою голову, чтобы схватить зубами соединяющую мои кандалы цепь и грубо вытащить меня наружу. Я была втянута в толпу страдающих пони, каждый из которых, очевидно, прошёл через недели мучений, прежде чем даже попасть сюда.

Большая чёрная грифина в тёмно-серой броне Когтей приземлилась на крыше рядом с кучей колесниц и смерила нас злым взглядом. Над её белопёрой головой развевался на ветру розовый стяг — флаг Красного Глаза. У неё под одним крылом был свёрнут кнут, а к спине была привязана антимех-винтовка.

"Да, работа трудна," — раздавался голос Красного Глаза из ближайшего динамика, пока грифина осматривала группу несчастных пони под ней. — "Но только благодаря щедрому дару нашего труда дети и дети наших детей смогут иметь лучший мир. Мы должны бескорыстно отдавать всё, что можем, чтобы Новая Эквестрия могла возродиться и подняться. И это не то, что легко попросить."

Честно говоря, я не особо заметила, чтобы Красный Глаз вообще просил.

"Дикари заботятся только о своих небольших группах, они не могут или не хотят видеть более широкую, общую картину. Рейдеры и Стальные Рейнджеры являют собой воплощение эгоизма, их заботят лишь собственные желания и устаревшие кодексы, они берут у нас всё, что хотят, ничего не давая взамен."

"Но здесь, сегодня и каждый день, мы отдаём. Мы создаём. Там, где другие только знают, как разрушать, мы строим! И это, дети мои, то, как мы проложим путь для..."

Один из тянувших повозки гаркнул на нас, заставив многих пони съёжиться, а одну даже залиться слезами:

— Сделайтесь презентабельными, вы, кучка бесполезных мулов!

Выражение грифины вдруг сменилось с чего-то вроде мягкого презрения на холодный гнев. Она повернула свою массивную бронебойную винтовку быстрее, чем, я думала, это возможно. Выстрел из неё был подобен праведному гневу Луны. Гаркнувшего на нас пони разорвало на две части, пуля пробила асфальт и схоронилась глубоко в земле.

Несколько пони закричали. Пурпурная кобыла с оранжевой гривой начала пятиться, стараясь отступить от распространяющейся лужи крови. Её полное ужаса лицо было забрызгано, кажется, желудком мёртвого работорговца.

"...Мы не животные. Мы не зебры. Мы пони! У нас лучшая натура и высшее призвание. Мы знаем, что дорога трудна, но мы, столкнувшись с проблемой, стоим на своём и идём дальше. Мы знаем, что многие из нас страдают и гибнут, и никогда не вкусят сладкие плоды нашего труда. Но из-за нашей щедрости и надежды другие познают лучшее будущее. Потому что будущее стоит любых жертв! И да, Новая Эквестрия требует жертв."

Окей... но жертвы?

Речь Красного Глаза закончилась, и снова началась музыка, возвышенная и царственная. Грифина смотрела не на нас, но на сжавшихся работорговцев.

— Не перебивайте, когда Красный Глаз говорит!

Затем она повернулась к нам.

— Меня зовут Стерн, — заявила грифина, глядя на её новых рабов. — И это мой город.

* * *

— Вы работники, — сообщала нам Стерн, прохаживаясь по крыше выше. — Вы работаете над созданием более светлого будущего, Новой Эквестрии, которая будет населена членами Единства. Ваша работа является даром будущему. И вы можете сделать этот дар добровольно, или же Красный Глаз сделает выбор за вас.

Я оказалась в противоречии. Я кипела от обращения с рабами, которое являлось не чем иным, как медленным и мучительным убийством. И всё же... я поняла цель Красного Глаза. Может быть, не полностью. Всё это Единство становилось совершенно жутким. Но прогресс? Стремление сделать мир лучше любой ценой? То же побуждение оставило меня по круп в крови, и меня за это не терзает чувство вины.

Красный Глаз заставит вас работать над тем, над чем нам, возможно, все равно следовало бы вместе трудиться. (Но добровольно и в более безопасных условиях!) А я? А я прострелю вам голову, если вы насилующий и убивающий паразит на шкуре всего рода пони. Выходит, мы оба решили, что пони, не выбравшие правильный путь, утрачивали право жить свободно, если и жить вообще.

Но была разница. Есть линия между Красным Глазом и мной. Она просто не такая чёткая, как мне

хотелось бы. Тем не менее, это не уменьшало боль от того, что я видела и слышала вокруг себя, и не отменяло необходимость прекратить эти ужасы.

— Но большинство из вас не шибко заботится о будущем, не так ли? Я вижу это по вашим глазам. Вам насрать на других пони. Вы заботитесь только о своей "свободе". Ну так слушайте же внимательно, потому что я собираюсь рассказать вам, как освободить себя, — сказала Стерн хриплым голосом с осуждением и отвращением.

Часть меня хотела закричать, что я забочусь. Но другая часть меня, гораздо более сильная, внимательно слушала. Если я не смогу найти отвёртку и неохраняемое место, чтобы спрятаться, то это могло бы быть моим лучшим шансом.

— Свободу здесь зарабатывают! — Ага, конечно, подумала я. Но Стерн была быстра, чтобы изложить эту концепцию: — Вы можете трудиться на заводах и фабриках и работать в работных домах до упаду, или же вы можете стать добровольцами для более опасной работы. И эти добровольцы будут вознаграждены. Красный Глаз — очень щедрый жеребец. Он даёт вам три варианта.

Грифина подняла три когтя-бритвы и начала загибать их.

— Вы можете выбрать работу в группе по восстановлению Стойл. В области Филлидельфии находится много Стойл, богатых ресурсами. Но Стойла, как правило, опасны. Они зачастую имеют собственную систему безопасности или собственные... уникальные опасности.

Я вздрогнула, почувствовав новую волну ярости.

Грифина нахмурилась.

— И, конечно, есть Стальные Рейнджеры, которые охотятся за той же добычей. И, прежде чем у вас появятся какие-либо неправильные идеи, позвольте мне предупредить вас: Стальные Рейнджеры сразу убьют любого, кто встанет у них на пути перед изъятием старой собственности Стойл-Тек. Они начнут убивать вас так же быстро, как начали бы убивать нас. А в тех редких случаях, когда в Стойлах есть ещё живые жители, они, как правило, убивают и их всех тоже. А Красный Глаз даёт им те же варианты, что и вам.

Мои глаза округлились, челюсть упала. *Изнасилуй их Луна своим рогом!*

— Если вы проработаете два года в группе по восстановлению Стойл, Красный Глаз обещает вам свободу. Вы будете помечены и получите разрешение жить так, как вам захочется. — Грифина понимающе ухмыльнулась. — До тех пор, пока вы не решите стать проблемой.

Два года. Это... не вариант. Но я действительно сейчас думала не об этом. Я думала о том, что мне с Блюберри Сэйбр нужно будет обмениваться парой очень-очень неласковых фраз. Я уже выбирала патроны для знаков препинания.

Загнув второй коготь, Стерн продолжила:

— Вы можете работать в кратере Филлидельфии. Красному Глазу нужны радиоактивные материалы, и этот кратер просто сокровищница, заполненная ими.

Если Блюберри Сэйбр можно было верить, а с её стороны было бы глупо врать о моей цели, то я знала, зачем Красный Глаз раскапывал кратер. Ему нужно было топливо для реактора. Но работать в эпицентре взрыва мегазаклинания... Даже в противорадиационном костюме это было бы смерти подобно!

— Красный Глаз заявил, что любой пони, который проработает полные шесть месяцев в Филлидельфийском кратере, будет лечиться от лучевой болезни и получит свободу. — Её клюв скривился в ложно доброй улыбке. — Но так как он такой благотворительный жеребец, Красный Глаз недавно сократил срок до всего четырёх месяцев.

Я подозревала, большинство пони умирало от отравления, не проработав и трёх.

— И третий вариант, — сообщила нам Стерн, загнув оставшийся коготь, — состоит в том, чтобы сражаться в Яме. Яма — арена для битвы, пони против пони. В каждом Турнире по шесть раундов, и обычно Турнир проводят один раз каждую неделю. Чаше, если Красный Глаз почтит нас своим присутствием.

Грифина посмотрела сверху на нас, оценивая жалостное стадо новых рабов.

— Если вы последовательно переживёте шесть турниров, то не только получите свою любимую свободу, но и почётное место в армии Красного Глаза. — Она выпрямилась, сердито глядя на нас. — Но, откровенно говоря, никто из вас не выглядит достойным такой чести.

Чернотелая грифина фыркнула.

— Тем не менее, для меня дело чести — дать вам этот вариант. Просто постарайтесь не быть слишком лёгким врагом для вашего оппонента, если всё-таки выберете его. — Затем, нахмурившись на нас ещё раз, она предупредила: — Это способы заработать свободу. Но есть ещё два способа получить её. Вы можете в любое время решить присоединиться к Единству. Если вы сделаете это, то ваша судьба будет в копытах Богини. — Она сказала это слово, как будто оно было неприятно. — Или, конечно, вы можете обрести свободу через смерть. Попробуйте сделать что-нибудь глупое, попробуйте бунтовать, попробуйте бороться, попробуйте сбежать... Что угодно из этого — прекрасный способ умереть ужасной смертью. — Стерн пригвоздила нас взглядом. — Но это то, чем они являются.

* * *

Добро пожаловать в Филлидельфийскую Ферму Развлечений!

Выцветшее преувеличенно-большое изображение головы Пинки Пай и её передних копыт выглядывало, свесившись с верхушки стальных кованых ворот в виде арки. А за ней простирались гниющие руины огромного парка аттракционов. Я вспомнила его по изображению на плакате в

хижине СтилХувза. ("Всё должно быть, как на Гранд Галопин Гала. Каждый день, всегда!")

Нас погнали через арку. Значительная часть старого парка развлечений, где раньше проходили ярмарки, была приспособлена под жилища для рабов. Мне выделили цинковку из соломы где-то в ограждении, где пони когда-то носились в небольших вагончиках, врезаясь друг в друга для развлечения. (Так как я была новенькой, мне не приходилось рассчитывать на четыре стены, только на крышу. И мне сказали, что я должна быть рада и этому. Дождь в Филлидельфии, как меня предупредили, жжётся.)

На тропинке к воротам я увидела запряжённых в те самые вагончики рабов, расчищающих груды булыжников и одновременно тянувших за собой колесницу, в которой стояла пони-рабовладелица, принимавшаяся хлестать их кнутом, если они шли недостаточно быстро. Либо если рабовладелице нравились звуки, которые издавали бедняжки под ударами плетью. Либо ей просто было скучно.

Проводил ли хоть кто-нибудь из тех замученных пони свои ночи на Плугодроме? Заебись ирония.

Когда-то молодые жеребчики и кобылки протащили бы своих родителей многие километры, чтобы играть и веселиться на глупых аттракционах и представлениях Филлидельфийской Фермы Развлечений. Теперь это был чудовищный памятник рабству и смерти, окрашенный в яркую, отслаивающуюся краску.

Пинки Пай не одобрила бы.

Над нами проплывали три Шара Пинки Пай по постоянной орбите над старым парком аттракционов. Один свободно перемещался, другие два были закреплены по одному на каждое из двух самых высоких зданий, которые ещё стояли по эту сторону Стены. Первый был привязан к старому отелю, избитому, но не сломленному, который возвышался всего в нескольких кварталах за пределами восточной окраины Филлидельфийской Фермы Развлечений. Огромная надпись на балконе на двадцатом этаже была изржавевшая и давно потерявшая своё освещение, но даже без него я могла признать отель Альфа-Омега с фотографии в статье, что я видела пару дней назад.

Второй Шар Пинки Пай был привязан к зданию, возвышавшемуся прямо из Фермы Развлечений. Оно явно было стилизовано под амбар, выглядя как ничто иное, как колоссальная версия здания на ферме "Сладкое яблоко". Первые этажи были покрыты фресками ярких цветов и изображениями сказочных персонажей, большинство из которых соскользнули с Обрыва Детского Легкомыслия в Долину Тревожных образов. Американские горки, которые описывали петли по всему парку развлечений, проходили сквозь здание на уровне шестого этажа. Огромная радиобашня на крыше "амбара" была изменена, чтобы выглядеть как до смешного огромный флюгер.

Я поняла, что смотрю сейчас на Филлидельфийский центр Министерства Морали.

Я должна была знать. Пинки Пай и её министерство создали спрайт-ботов. Источник вещания спрайт-ботов должен был быть в каком-то из центров Министерства Морали. Он был недостаточно мощным, чтобы охватить Мэйнхэттен, но каждый спрайт-бот ретранслировал сигнал, что позволяло Министерству Морали расширять зону покрытия до бесконечности. Когда Красный Глаз захватил центр, он просто добавил свои проповеди в список воспроизведения. Саму же музыку Министерство

Морали транслировало ещё до войны.

Как будто в насмешку над моим откровением в динамиках заиграл клавесин и полились слова песни:

"Вы должны делиться, вы должны заботиться. Дело это правое вам потом припомнится!"

Я очень, очень захотела пушку.

— О, смотри, — крикнула кроваво-красная кобыла, чьи тёмно-зелёные волосы были уложены в форме шипов. Она развалилась на зрительских перилах арены Плугодрома. — Свежее мяско!

Рабовладельцы, которые шли с нами, ушли. Гнаш кинул мне прощальный взгляд, который я не сумела истолковать. И нас оставили одних с другими рабами. Многие не обращали на нас внимания. Большинство тех, кто удостоил нас взглядом, делало это с печальным, смиренным выражением.

Я почувствовала отвращение при виде некоторых из них — у многих выпадала шерсть и волосы из гривы, открывая взгляду фурункулы на обесцвеченной плоти, страдающие от сухости конечности и шелушащуюся кожу лица. Медленно умирающие жертвы радиоактивного отравления.

Но здесь были и задиры.

Кроваво-красная кобыла соскользнула с перил и подошла к нам.

— Слушайте сюда, мои маленькие личинки червей, — пролаяла она. Её кьютимарка была похожа на глазное яблоко, нанизанное на копьё. Я вздрогнула, удивляясь, как и каким образом вообще можно получить такую кьютимарку. Блюберри Сэйбр предупреждала, что мне, возможно, стоит больше опасаться заключённых, нежели охранников.

Другой пони присоединился к ней: до неуклюжести накачанный жеребец цвета мочи с очень злым жёлтым цветком в качестве кьютимарки (у меня появилось абсурдное ощущение, что этот цветок хочет убить меня).

В школе Стойла Два были хулиганы, и эти пони напомнили мне о них. Неважно, насколько бессильными мы все были, они найдут силу в том, что сделают остальных ещё более несчастными, чем они сами. Это было презренным в лучшем случае. Я чувствовала, что это гнусно, что в то время, как пони страдают, некоторые из рабов сами ищут способы, как сделать жизнь других ещё хуже. Я знала, что лучший способ стать сильнее — через дружбу. Разве мы не должны работать все вместе? Но... для эгоистов так было проще и быстрее.

— Я Блад, — объявила багровошкурая кобыла с гривой-шипами. Затем, представляя перекачанного жеребца, добавила: — А это Нарц.

Бугай глазел на нас, задерживая взгляд на кобылках.

— Я знаю, вы там сейчас слышали те разглагольствования Стерн, мол, Филлидельфия вся её и всё

такое, — сказала Блад (я готова была поспорить, она не посмела бы, будь грифина где-то поблизости). — Так вот: Плугодромом заправляем мы!

— Да у вас здесь просто славная империя, — успела вполголоса съязвить я, прежде чем смогла заткнуться.

Блад будто дали пощёчину.

— Чё сказала? — Она подошла ко мне, прищурившись. — Ты сказала там что-то? Вроде звук был, будто ты говорила, хотя я что-то не припомню, чтоб разрешала тебе.

Что же это я не могу рот закрытым подержать? Ладно, раз уж она собирается вышибить из меня всё дерьмо, может, заодно и жуков кусачих вытрясет.

А если подумать, то, наверное, хорошо, что я привлекла её внимание. Если задиры получают новую кобылку для битья, это хотя бы немного отвлечёт их от остальных рабов. А я уже и с драконом сталкивалась, так что смогу вынести всё дерьмо от этих двоих.

Ладно, убегала от дракона. Но это мелочи.

— Так ты что-то там говорила? — спросила Блад, нос к носу со мной. Для такой позы ей нужно было слегка опустить голову, и это, как я видела, доставляло ей удовольствие. Мой невысокий рост делал меня весьма привлекательной жертвой.

— Я... я п-просто сказала... какая у вас славная империя. Нуу, понимаете... целый парковый аттракцион-развалина, — заикаясь выдала я и отклонилась назад. — Вы н-наверняка так гордитесь!

Глаза Блад округлились.

— О... так ты просто умо-ля-ешь меня тебя избить. — Она подняла копыто и поставила его на цепь от моих оков, отправив меня лицом в грязь. — Слушай сюда, малявка, правила теперь такие. Говоришь, когда я разрешу. Лижешь, где я скажу. По вечерам полпайка отдаёшь мне. И тогда, возможно, лишь возможно, я придержу тебя для себя и не отдам Нарцу иметь тебя каждую Луной проклятую ночь, пока он тебя не располовинит!

Я взглянула на неё, нацепив жалостное выражение лица.

— Нарц, — сказала она громиле цвета мочи. — Ну-ка выеби её хорошенько!

Тяжело ступавший жеребец подошёл ко мне с мерзкой ухмылкой:

— С удовольствием!

Он развернулся и лягнул.

ОЧЕНЬ СИЛЬНО!

Моя грудь взорвалась болью. Я обнаружила себя летящей назад. Я пробила сгнившие останки ларька для продажи хот-догов (с изображением Пинки Пай, обильно поливавшей их острым соусом).

Я изо всех сил пыталась встать на ноги, когда он ещё раз врезал мне на полном скаку, сбивая с ног. Думаю, я услышала, как трещат рёбра. Стало больно дышать.

Самец подбежал ко мне, пока я пыталась перевести дыхание, и встал сзади. Я боялась, что он сломает мою незащищенную спину, и перевернулась. Он компенсировал это, поставив копыта на мой живот, выбив ударом весь воздух. Я закашляла, почувствовав кровь.

Огромный жеребец встал, нависая надо мной.

Мой рог слабо засветился, обернув его очень нежную часть в телекинетическое поле, и предупреждающе сдавил.

Нарц резко остановился.

— Предлагаю сделку, — прошептала я полустоном от боли. — Ты сам решаешь, что я недостойна твоего внимания... Таким образом ты сохранишь лицо. И в ответ я не покажу тебе, насколько я хороша в этом деле. — Я сжала немного сильнее, и его тряхнуло от боли, у него выступил пот. — И ты держись подальше от других рабов, иначе сделка отменяется. — С ещё одним маленьким сдавливанием Нарц горячо кивнул со слезами на глазах от натуги, стараясь при этом не закричать.

— Согласен? — спросила я, хотя я знала, что он уже согласен, так как я слегка скрутила телекинетическое поле. Его реакция безусловно того стоила. — Хорошо, — буркнула я, чувствуя во рту привкус меди. Я отпустила его и опустила голову, у меня перед глазами всё плыло. Я нуждалась в медпони. Я нуждалась в Вельвет Ремеди.

Отряхиваясь, Нарц сделал вид, что смотрит на меня сверху вниз. Потом в раздражении отступил.

— К чёрту! — сказал он слишком громко. — Она настолько мала, что смахивает на грёбаного ребёнка! — Он обернулся, Блад смотрела на него, сузив один глаз в недоверии.

Нарц оглянулся через плечо на меня и фыркнул, видимо, решая, что ему может и не может сойти с копыт. Он отвёл свою правую заднюю ногу и сделал выпад, обрушив отвратительно жёсткий удар прямо меж моих задних ног. После чего побежал прочь, греясь в очевидном одобрении кобылы цвета крови.

Я никогда в жизни так сильно не кричала.

* * *

"Я гулял по улицам Филлидельфии, очищенным от обломков, и видел завод, производящий сталь, текстильную фабрику, производящую одежду, электростанцию, производящую электричество,"
— голос Красного Глаза гордо звучал из металлических динамиков на стальных столбах, которые

пронзали красноватый вечерний воздух. — *"Это начало, но такое славное начало. И всем этим мы обязаны... друг другу."*

— Что это? — спросила я, чуть не плача, когда мне сунули под нос миску с непонятной кашеобразной массой. От запаха мой избитый желудок сжался в спазме.

— Овсянка, — равнодушно ответил пони-раб, зачерпывая полную миску той же бесцветной жижи для следующего пони.

— Овсянка? Вы с ума сошли? — Я посмотрела на него с недоумением. — Это нисколько не похоже на овсянку! Ни по виду. Ни по запаху. Ни по... — ещё одна порция дряни плюхнулась из черпака в миску, — ...звuku.

Я отдала половину "овсянки" Блад, чувствуя себя так, будто это я проявляю жестокость. Потом я помоталась вокруг, пока не нашла другого пони, у которого отбирали его порцию, и отдала ему остальное. У меня всё равно слишком болели мягкие места, включая живот, чтобы пытаться есть.

В благодарность он дал мне мрачный совет по продолжительному существованию в качестве "работника" в Филлидельфии. Не выбирай Кратер. Большинство пони, которые идут туда, не проживают и трёх месяцев. Что уж говорить о четырёх. Не выбирай Яму. Тебе придётся пережить тридцать шесть схваток с рабами, чтобы выйти из неё, а схватки всегда на смерть. Я застонала. Я не представляла себя забирающей жизнь другого раба. Ну, может быть, Блад или Нарца, но никак не безвинных.

Сам он работал на свалках, пользуясь инструментом, который он называл авто-топором (по сути являвшимся дисковой пилой со всего тремя страшными зубами-лезвиями), чтобы разрезать на части колесницы и другие крупные куски металла для переплавки. Это была опасная работа, и их держали под постоянным наблюдением охранников, стоящих на высоких местах, но без кнутов. Ни один рабовладелец не стал бы появляться на свалке с рабами, вооружёнными вращающимися лезвиями, магически зачарованными, чтобы легко прорубаться сквозь металл.

Он потчевал меня многочисленными способами смерти, имевшимися в Филлидельфии. Одним из самых неприятных была работа в карьерах, которые я видела по пути сюда.

— Но, к счастью, — сказал он, — их берегут для пони, которые пытались бежать или даже хуже — саботировать работу Красного Глаза.

— А что в них?

— У Филлидельфии есть небольшая проблема с параспрайтами, — сказал пони, доедая остатки моей жижи. — Очевидно, было какое-то массовое заражение, может быть, за три или четыре десятилетия до мегазаклинаний. Предположительно, его побороли, но параспрайты очень живучи.

Он стал вылизывать миску, пока я пыталась сдержать рвоту.

— Пару лет назад ребята Красного Глаза пробивались в одно из Стоил, располагавшееся довольно

близко к Кратеру, и открыли карман, набитый проклятыми тварями — все облучённые до чёрта и мерзкие как никогда.

— Блотспрайты? — спросила я, но он покачал головой.

— Не, блотспрайты — это то, что получается из параспрайтов, которые подхватывают порчу. Большие и злобные, но не склонные размножаться. И это благо, уж поверь мне. — Он серьёзно посмотрел на меня. — А эти мелкие паршивцы облучены. Большая разница.

— Так... что они делают?

— То же, что и всегда. Едят и выплёвывают таких же, — сказал он и пристально посмотрел на меня.

— Только теперь они плотоядны.

Они едят... пони? О Селестия!

— А те дымоходы?

Жеребец опустил голову.

— Ну, там мы сжигаем гнёзда, которые они находят. Единственный способ убедиться, что они больше не размножаются — это убить их огнём. — Он нахмурился. — Проблема в том, что иногда остаётся несколько глубоко в гнезде, которые как следует не прожариваются истребителями. Они просыпаются после жары, вылетают... сетка над карьерами нужна для того, чтобы они не успевали улететь далеко, а один из охранников всегда вооружён огнемётом. Особенно после того случая, как одной кобылице мелкий паршивец залетел в глотку. Они потом сгрызли всю её изнутри.

Жуть. Мне было искренне жаль, что я не могла раз услышать этого.

Но как бы ни было это плохо, на вершине его списка способов смерти стояло Единство.

— Я знаю, что этот ублюдок Красный Глаз говорит, но я знал множество пони, которые пошли добровольцами в Единство, и ни один из них не вернулся, — признался он мне. — Как говорят некоторые пони, Богиня, чем бы она там ни была, превращает их в этих больших аликорнов, которых мы иногда видим поблизости. Но если бы это было правдой, то я полагаю, что их должно было бы быть больше. И мне думается, что хоть кто-то из них потрудился бы вернуться и поздороваться со старыми друзьями, раз уж они могут летать.

Я не посчитала полезным говорить ему, что их, вероятно, было больше, чем он думал. Мой разум уже обрабатывал другую информацию. У псевдобогинь не было кьютимарок, и их направляли при помощи телепатии. Мои мысли крутились вокруг той возможности, что трансформация начисто удаляла их индивидуальность и чувство себя. Сделать такое с пони было... хуже убийства!

* * *

Ночь была холодной, и у меня не было одеяла. Я лежала на погрызенном крысами старом коврикe,

который до меня был кроватью рабов, большинство из которых, вероятно, было уже давно мертво. Коврик был настолько изношенным, что на нём лежать было, возможно, даже неприятнее, чем на бетонном полу под ним, и таким заляпанным, что мне вообще не хотелось к нему прикасаться. Но это было всё, что я имела.

Моё тело было покрыто синяками, и всё ещё было трудно дышать. Мои рёбра дали трещину, но, к счастью, не были сломаны. Я всем сердцем старалась игнорировать ещё худшую боль снизу. Часть меня хотела убить Нарца. настолько мучительно и жестоко, насколько это возможно. Часть хотела свернуться калачиком и плакать. Я боролась с обеими этими частями. Учитывая, что я сделала и пригрозила сделать с ублюдком цвета мочи, думаю, часть меня хотела показать, что я могу взять то блюдо, которое ему предложила. Хотя бы потому, что я сказала ему, что он мог бы сохранить лицо, и сколько бы я его ни ненавидела, должна признать, именно это он и сделал.

Небо над нами было чёрным и отражало лёгкие оттенки оранжевого и красного. С наступлением ночи все кузницы, печи и другие ярко светящиеся объекты стали видны более отчётливо, придавая Филлидельфийским Руинам адский вид. Хуже всего была тонкая красная тень в воздухе, которая стала люминесцентным заревом над огромной ямой, куда ударило мегазаклинание, пропустив обширные промышленные районы города, чтобы попасть в самое сердце городских жилищных построек. Тьма никогда полностью не окутывала центр Филлидельфийского Кратера.

Порыв ветра принёс глубокий холод и вместе с ним удушающий, едкий запах откуда-то из глубины Филлидельфии. Некоторые рабы закашлялись во сне, я вздрогнула и попыталась дышать, не вдыхая носом.

Я скучала по своим друзьям. Я задалась вопросом, были ли они в порядке. В голове я начала проигрывать все ошибки, которые я допустила, все пути моего плана, которые могли бы пойти не так...

Где-то невдалеке я заметила вспышку зелёного пламени.

Встав, я тихонько скользнула наружу и включила Локатор Ушки-на-Макушке, чтобы он помог мне обнаружить жар-феникса. Моё сердце наполнилось благодарностью за компанию, когда я увидела, как птица уселась на табличку в виде улыбающейся Пинки Пай с поднятым копытом. ("Вы должны быть такого роста, чтобы кататься на Колесе Фермы Развлечений") За ней железная громада колеса возвышалась над парком, словно злобно взирающий на нас механический глаз.

Паерлайт музыкально крикнула мне.

— Спасибо, — сказала я ей искренне. Не думаю, что я могла бы пройти через это испытание в одиночку.

Я подумывала засыпать её вопросами, попросить передать Вельвет Ремеди сообщение, или ещё с полдюжины других вещей. Вместо этого я решила просто сидеть, положив голову на двумерную Пинки Пай, и наслаждаться её компанией.

— Ну, давай выберем тебе работу, — сказал Мистер Шайни, глядя на меня. Мистер Шайни был пони-рабовладельцем, отвечающим за назначение новых рабов на работу, и он обладал обманчиво-ласковым голосом. — Я вижу, у тебя есть ПипБак, и ты должна бы быть помечена для визита к доктору Слаутеру, но я думаю, мы можем не торопиться с этим. — Он одарил меня улыбкой, которая казалась доброжелательной, но не было в ней никакого реального тепла. — Что скажешь, если мы вместо того, чтобы снять, используем его?

У меня всё ещё всё ужасно болело, я немного хромала, но он этого не замечал, или, по крайней мере, его это не волновало. Я была уверена, что он назначал на работу пони и в гораздо худшем состоянии.

— Что я должна делать?

— Так, в городе есть здание, которое кишит параспрайтами. Но на этот раз мы не можем просто зайти туда с огнёмётами. Поэтому мы могли бы использовать пони с Пипбаком, — ответил Мистер Шайни. — Эта вещица может находить для тебя мишени, так? Мы отправим тебя туда в защитном снаряжении и с маломощной энергомагической винтовкой. Стреляй по чёртовым штукам, пока они не станут горстками пепла.

— Сколько... сколько их там? — Назойливые кошмары предыдущей ночи снова пронеслись у меня в голове.

— Не должно быть больше пятидесяти. С момента обнаружения гнезда у них не было ничего, что можно было бы съесть. Бедный Вайттэйл.

В течение получаса он выдал мне всё снаряжение. Кроме боеприпасов. Я получу их, когда попаду в здание. Они протолкнут их через отверстие для почты.

* * *

Воздух пронзили лучи ярко-розовой энергии, метнувшиеся в мою сторону от охранной турели на потолке в холле. Один из лучей попал по моему защитному костюму, проплавив дыру размером с копыто немного пониже моей кютимарки и оставив ожог. Когда я прыгнула за стол, я понадеялась, чтобы там не осталось шрама, как на моей шее.

Терминал на столе мягко светился этим тошнотным светло-зелёным цветом, каким почти все они светятся. Я спряталась за ним и взялась за взлом системы. Это заняло всего несколько секунд; защита терминала была жалкой. А мне повезло! Терминал мог выключить турели.

Турель выпустила ещё одну очередь огненных стрел розового цвета. Несколько ударов пришлось на заднюю стенку терминала. Он взорвался перед моим лицом с фейерверком искр.

Я могла бы навсегда ослепнуть или вообще умереть, если б защитный костюм не включал в себя противогаз и внушительные очки. Я в страхе отодвинулась от стола и обдумала ситуацию.

До этого момента охота за жуками была скорее разочаровывающей, чем опасной. Снаряжение надёжно защищало меня от параспрайтов, и я настолько напрактиковалась в искусстве подкрадываться, что могла бы подобраться сзади, прежде чем полуслепая тварь меня заметит. И это было хорошо, так как я почти совсем не умею пользоваться энергомагическим оружием. Даже с небольшого расстояния, даже с З.П.С. я промахивалась чаще, чем попадала.

Когда турель изрыгнула очередной луч, маленький жёлтый параспрайт подлетел ко мне, привлечённый запахом моего обожжённого мяса. Я проскользнула в З.П.С., пока он подлетал ближе, прицелилась лазером и открыла огонь. Я попала с третьего выстрела, и он рассыпался вспышкой бирюзового пепла. Я вышла из режима прицеливания, но секундой позже снова активировала З.П.С., чтобы прикончить ещё двух параспрайтов (один из которых был цвета близкого к цвету плоти).

"Кажется, у меня проблемы."

Я проверила магическую спарк-батарею. На тех двоих ушло пять выстрелов. Лучше, но всё ещё плохо. Если верить встроенному сканеру в моем ПипБаке, в здании изначально было пятьдесят два параспрайта, а я сейчас убила девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого. А значит, нужно было избавиться ещё от тридцати одного, большинство из которых, я знала, роилось на производственном этаже здания — пространстве, которое я избегала, решив очистить сначала оставшуюся часть здания. Только сейчас они чуяли мясо.

У меня оставалось семь выстрелов.

"Большие проблемы!"

Турель выплюнула ещё больше магической энергии, пытаясь завалить меня. Не очень умно, учитывая, что целый большой металлический стол был на пути. Стол становился тёплым на ощупь.

Если я тут не найду ещё боеприпасов... или, что лучше, другого оружия....

Я открыла стол для проверки.

Бутылочные крышечки. Три. Из меня вырвался крик разочарования.

Я посмотрела по сторонам и заметила поблизости дверь с табличкой "Обслуживание". Обернув стол в телекинетическое поле, я пронесла его рядом с собой как щит во время забега до двери. Она была закрыта.

У меня всё ещё не было отвертки. Подняв взгляд к небесам:

— Если кто-нибудь из вас двоих действительно там, я искренне раскаиваюсь, что сомневалась. Правда раскаиваюсь. Простите! А сейчас... не могли бы вы дать мне передышку, пожалуйста?

Турель опять выстрелила. Стол больше не был просто тёплым. От него начинал исходить жар. Ещё три параспрайта влетело в комнату, привлечённые моим запахом.

— Ну и идите вы нахуй! Обе! — крикнула я. — Идите полижите друг у друга...

Я скользнула в З.П.С. и отправила несколько управляемых выстрелов в параспрайтов. Двое превратились в пепел. Третий был поражён и упал на пол, но не погиб. Остальные выстрелы прошли мимо. И теперь я была пустой. Я задыхалась, мои рёбра горели, из-за чего было больно дышать.

Чёрт!

Турель снова выстрелила. Стол теперь светился. В изнеможении я огрызнулась:

— Ты так этого хочешь? Так на, получи! — держа стол между собой и турелью, я левитировала его к конструкции-обиднице и принялась дубасить её снова и снова, пока та с хрустом не перестала работать.

Затем я левитировала его мимо себя в другую сторону, перевернула и уронила светящейся металлической поверхностью на покалеченного голубого жучка.

* * *

Я сумела закрыться в офисе над главным этажом здания. Коридор, который защищала турель, вёл к этой комнате — офису здешней Смотрительницы. Здесь была небольшая дверь с одной стороны, которая, возможно, вела в туалет, и большие окна с толстыми стёклами, которые выходили на основной рабочий сектор. Я уставилась через одно из окон на массу милых разноцветных хищников, парящих между помостами наверху и печатными прессами внизу.

Всё тот же стиль, мрачно отметила я. Как будто у прежнего мира был дикий стояк на производственные травмы.

До меня также сейчас дошло, почему прогулка с огнемётами была совсем не вариантом. Это здание было типографией. И большая его часть была занята книгами, плакатами... истинный рог изобилия горячего для неконтролируемого огня. Этот огонь, возможно, уничтожил бы вещи, которые, я уверена, были небезразличны Красному Глазу — прессы.

Мне пришлось поаплодировать жеребцу. У него была власть, сталь, текстиль... а теперь он работал над возрождением массовой публикации. Насколько я могла сказать, единственной книгой, написанной и распространённой после апокалипсиса, было "Руководство по выживанию в Пустоши". Восстановление работы в этом месте станет огромным шагом вперёд.

Школы, которые он обещал, вдруг стали казаться реальными.

Я заметила ещё несколько автоматических огневых турелей, покрывающих основной рабочий этаж. Чёртовы устройства игнорировали жучков, но я знала, что они атакуют, если хотя бы одно моё копыто коснётся пола в этой комнате. Я была не в состоянии биться с таким количеством параспрайтов, так же как и с этими чёртовыми устройствами.

В комнате был стол со всё ещё работающим терминалом. Я села и начала его взламывать, надеясь, что смогу отсюда отключить все башенки. Пароль, к моему удивлению, был "Щедрые Души".

"Добро пожаловать в Филлидельфийский центр Министерства Стиля, **мисс Перивинкль!**

Как вы этим чудесным утром?

Прошло 202 года, 37 дней, 1 час и 13 минут с вашего последнего входа в систему.

Хотите проверить свои сообщения?"

Стоп... это был Центр? Но... здесь же ничего не было! Это было небольшое здание, немного больше, чем типография. Здесь ничего не было.

В этом... не было смысла. Это здание не было небоскрёбом; всего два этажа. И я осмотрела здание достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, что здесь нет никаких секретных подземных этажей. Здесь было всего несколько офисов; не больше, чем должно быть в маленькой типографии.

Я встала и осмотрелась по сторонам. На стенах в офисе висели плакаты, и ещё больше их виднелось на печатном этаже внизу. Большинство их я видела раньше. Все, начиная с плакатов "ПРОГРЕСС" Министерства Военных Технологий до изображения Твайлайт Спаркл над словами "Чтение — это магия" (я видела этот плакат в Понивилльской библиотеке, правда здесь он без безобразного граффити).

Я снова взглянула на терминал и заметила кое-что ещё. На столе лежал старый альбом. Я открыла его и стала магией листать страницы, полные разнообразных вырезок: старых газетных статей, листовок, общественных сообщений. Большинство уже постарело так, что невозможно было прочитать. А из тех, что ещё можно было, многие были знакомы. Клиническое предупреждение о Стрессовом Расстройстве Военного Времени, например.

Одна из более-менее читабельных газетных статей привлекла моё внимание:

"Дракон Над Хуфингтоном"

"В минувшие выходные в небе над Хуфингтоном отряд Шедоуболтов во главе с Рэйнбоу Дэш вступил в схватку с драконом. На данный момент это самый глубокий удар зебринских сил по Эквестрии за всю тринадцатилетнюю историю войны. Все слухи о том, что зебры заручились поддержкой драконов своей родины, были подтверждены. Принцесса Луна обещает расширить Эквестрийский пегасий..."

Продолжение статьи было на следующей странице. А оставшуюся часть этой страницы занимало изображение Рэйнбоу Дэш, возвышавшейся над головой павшего монстра.

Этот образ был из тех, благодаря которым Рэйнбоу Дэш запечатлелась в массовом сознании пони как национальный герой.

Я закрыла альбом и снова взглянула на экран. Я начала понимать.

Я вспомнила плакат Пинки Пай, который первым предупредил меня о существовании министерств. Если бы меня тогда спросили, я бы ответила, что Министерство Морали было первым, которое я увидела.

И я была бы права.

Министерство Стиля было первым, которое я увидела. Только оно было под другим именем. Оно почти никогда не шло с настоящим именем. По крайней мере внешне. Я подозревала, что "Принципы Правильной Речи Пони" на самом деле были внутриминистерским документом.

Министерство Стиля, видимо, не делало своих собственных проектов. Оно служило другим министерствам. Оно создавало материалы, книги, плакаты, листовки... И однажды даже броню. Каждый плакат был связан с одним из других министерств. Чёрт, наверное, каждый раз, когда я что-либо видела или слышала о любом из них, я видела Министерство Стиля.

Невидимое Министерство... которое было везде.

* * *

Я загрузила сообщения мисс Перивинкль на ПипБак, чтобы позже внимательно изучить, затем перешла к более неотложной задаче, а именно к автоматическим огневым турелям. Я надеялась, что смогу отключить их через терминал в офисе, как я предполагала, принадлежавшем Смотрительнице. Но терминал позволил мне сделать лучше. С его помощью я смогла перепрограммировать турели на уничтожение параспрайтов!

Я прислонилась к столу, слушая, как град ударов огневых турелей заполнил главный этаж Центра М.С. Счётчик убитых параспрайтов на моём ПипБаке достиг числа тридцать девять и только сейчас начинал сбавлять темп. Я поняла, что мне придётся самой разобраться с оставшимися в комнатах и в местах, которые турели не покрывали. Но моя работа вдруг стала намного проще.

Моя удача продолжала расти. В стороне от этого офиса была ванная. Вода в туалете заставила мой ПипБак чудачить, раковина была полностью нерабочей... Пони-водопроводчица работала над ней, когда ударило мегазаклинание. Её скелет всё ещё был в комнате, она была убита куском, упавшим с потолка.

Немногое осталось от её униформы ремонтника, но этого было достаточно, чтобы залатать мой защитный костюм при помощи чудо-клея, несколько тюбиков которого я нашла в её ящике с инструментами. А также там были гаечный ключ и (уииии!) отвёртка!

Там также была запертая слабым замком медицинская коробка, в которой я обнаружила несколько исцеляющих бинтов и пару дополнительных заколок. И банку Минталок.

Я пялилась на банку в течение долгого времени, борясь с желанием просто взять и принять одну. Лишь одну.

Понадобилось немалое усилие, чтобы закрыть коробку, оставив Минталки внутри. Я заперла

коробку снова. Никогда больше.

Наконец-то я освободилась от этих проклятых кандалов! Я заметила, что большинство других рабов их не носит, так что я была практически уверена, что и мне это сойдёт с копыт. Но если бы я сама их не сняла, подозреваю, что не нашлось бы тут никого знающего и настолько доброго, кто помог бы мне с этим.

Я всей душой ненавидела Филлидельфию.

Огонь турелей прекратился. Для уверенности в безопасности я их вообще выключила, прежде чем выйти из офиса. Судя по ПипБаку, осталось ещё пять параспрайтов. И у меня всё ещё не было боеприпасов. Мне нужен был план.

Возвращаясь путём, которым пришла, я попыталась отпереть комнату обслуживания, в которую не смогла войти раньше. Если повезёт, то меня ждёт несколько магических спарк-батарей внутри.

Дверь с щелчком открылась, но полоса удачи закончилась. Там не было магических спарк-батарей. Ни оружия, ни каких-либо боеприпасов. Вместо этого там был скелет пегаса, который закрылся изнутри, один с теперь уже пустыми бутылкой Бака и коробком обезболивающих. Судя по положению скелета и беспорядку в комнате, я подозревала, что он умер в сильных конвульсиях... но я надеюсь, он был неспособен их чувствовать.

Несколько хорошо сохранившихся плакатов висело на стене той комнаты, которую я до этого не видела. Довольно фантастический плакат, изображавший команду пегасов-воздушных акробатов под названием "Вондерболты", чья ярко-синяя форма явно была скопирована с более тёмной, воинственно выглядящей формы Шедоуболтов.

Или наоборот? Газетная статья в рамке гласила:

***"Героическая попытка Вондерболтов освободить зебринских пленников
ценой четверых погибших"***

"Сегодня утром принцесса Селестия объявила об успешном спасении семнадцати пони, которых в течение двух недель удерживали в плену зебринские пираты. Вондерболты, величайшие летуны Эквестрии, добровольно отправились на секретное задание по спасению заложников в зебринских водах. Тем не менее, за успех операции пришлось дорого заплатить — четыре члена элитной команды пегасов были убиты в ходе боя. К счастью, никто из пленных не погиб и только один получил серьёзные ранения.

В течение этого двухнедельного кризиса Зебринский Цезарь неоднократно осуждал действия пиратов и выражал поддержку Принцессы Селестии, но Он не дал разрешения на введение Эквестрийской армии на территорию зебр, объясняя это тем, что введение войск миротворцев может 'увеличить существующую в регионе напряжённость', настояв на том, что в докладах Его имперской разведки указано, что пираты действовали в нейтральных водах. Его Величество по-прежнему отрицает, что ему что-либо известно о том, где пристал корабль пиратов.

Принцесса Селестия утверждает, что операция Вондерболтов на зебринских территориях была результатом 'недопонимания, которое в итоге закончилось хорошо', и извинилась перед Его Величеством лично..."

Статья явно описывала события, предшествовавшие началу войны. Ещё одна вещь, о которой можно будет порассуждать на досуге, когда мне не придётся искать способ уничтожения параспрайтов без энергомагического оружия или сжигания их без огня.

В комнате обслуживающего персонала находились верстак и различные мелочи, в том числе коробка завтраков "Вондерболты" и мешок с чьей-то полуистлевшей коллекцией порнухи. В основном старые выпуски журнала "Вингбонер". Я заставила себя не смотреть. Нет, правда.

Ладно, может, чуть-чуть. Кобылки-пегаски своего рода... экзотичные, в конце концов.

Я ощутила прилив вдохновения. Вытряхнув из мешка все журналы, я отложила его в сторону, затем опустошила коробку из-под завтраков, вытряхнув оттуда грязь, в которую превратилась сгнившая пища. В памяти всплыла схема, которую Дитзи Ду отдала мне в подарок. Я подумала, что вряд ли самодельные мины помогут бы с проблемой параспрайтов, но это не означало, что я не нашла бы им применение позже.

Я собиралась положить свою новую мину в мешок, как вдруг у меня возникла новая идея. Я не могла сжечь этих чёртовых жуков-пониедов в здании, но почему бы не...

Полчаса спустя я выбежала из типографии с мешком сердитых параспрайтов, плывущим рядом со мной.

— О, Паерлайт! — пропела я с улыбкой.

* * *

Мистер Шайни был впечатлён, и я почувствовала прилив гордости. Только эта гордость сопровождалась стыдом и гневом, что я позволяю себе радоваться рабскому труду. И что ещё хуже — радоваться тому, что меня хвалит один из работорговцев.

Наградой за мои труды было изъятие у меня энергомагической пушки, но при этом он предложил мне набор рваной рабской одежды. Она давала совсем небольшую защиту, но это всё же лучше, чем ничего. И она согреет холодной ночью. Бывший владелец, по словам Мистера Шайни, уже не был в состоянии использовать её по причине обезглавливания.

Быстро выполненная работа не привела к отдыху, а только к ещё большей работе. Я была назначена на склад металлолома на остаток дня. Я провела всего десять минут, получая инструктаж по работе с ужасным на вид авто-топором, перед тем как бригадир, сам раб, решил, что он просто не хочет давать такой опасный инструмент в копыта такой маленькой и слабой на вид кобылки. Я указала ему на то, что, будучи единорогом, я более чем способна владеть металлорежущей пилой, независимо от моего физического размера и силы. В ответ на это он назначил меня на работу по сбору кусков металлолома, которые другие работники (рабы, чёрт возьми!) отрезали от старых

пассажирских вагонов и других значительного размера металлических артефактов прошлого.

Я поплелась в сторону склада металлолома, откуда раздавался оглушительный шум. Десятки пони разрезали металл острыми магически заточенными лезвиями. По крайней мере ещё с десятков собирало готовый лом. Я подняла глаза и увидела рабовладельцев-охранников. Они взирали на нас с безопасного расстояния, вооружённые боевыми сёдлами или штурмовыми винтовками, находясь вне досягаемости резаков. Смелая единорожка могла бы, конечно, попытаться левитировать авто-топор в одного из них, но она будет застрелена, прежде чем сможет убить больше одного охранника. Краем глаза я увидела блеск великолепного жёлтого с зелёным оперения Паерлайт. Она сделала круг над площадкой с коробкой завтраков "Вондерболты" в когтях, после чего упорхнула из зоны видимости.

Слегка улыбаясь, несмотря на мою тоскливую ситуацию, я принялась за работу.

Порабощённые пони, вскрикивающие под бичами работорговцев, тянули полные металлолома повозки в стальной двор для нарезки. Я была шокирована, когда увидела, как несколько пони устало плетутся, таща на свалку повозку, гружённую массивной стальной дверью Стойла в форме шестерни.

Моя работа была намного проще ихней благодаря моей магии. И это дало мне возможность поговорить с другими рабами. Но они были не шибко болтливыми, быстро напомнив мне, что слишком много разговоров заставляют работорговцев нервничать, и это быстрый способ лишиться языка. Тем не менее, мне удалось раздобыть несколько слухов, которые убедили меня, что единственные места, где могли бы быть схемы Рад-Реактора или исследования заклинаний Обхода — это гостиница Альфа-Омега и центр Министерства Морали.

Альфа-Омега в настоящее время использовалась как "особое жильё". Это означало, что в нижних этажах располагались жилые помещения для бойцов Ямы. Нахождение на кратчайшем пути к смерти от копыт других рабов-бойцов не оставалось без компенсаций: гораздо лучшее место для ночлега, более короткие часы работы и, если слухи верны, доступ к самогонному аппарату. Кто или что были размещены в верхних этажах, было, по-видимому, в строжайшем секрете.

— Единственное место во всей Филлидельфии, где можно получить выпивку, — заявила одна из рабынь во время данной ею передышки авто-топору, чтобы остыть, прежде чем заново приступить к работе над трёхметровым куском стены Стойла, — эт бар Ромер. Притон работорговцев по ту сторону Стены. — А жаль, подумала я, я бы не отказалась от яблочного виски. — Стерн ненавидит эту штуку. Грит, выпивка делает работорговцев глупыми, а её бесит работать с глупыми.

Кобылица-раб со странным акцентом вонзила авто-топор в стойловскую стену и пинком по нему продолжила резать. Я бродила вокруг достаточно долго, чтобы набрать стопку кусков, вырезанных из стены, и левитировать их к бункерам. После этого я двинулась дальше.

Как говорят пони, вообще готовые говорить, всё, что известно о смешном здании Министерства Морали в форме амбара — это что к нему всегда привязан Шар Пинки Пай, что Стерн ночует на верхней башне и что где-то внутри находятся покои самого Красного Глаза.

Я говорила с другим рабом, на этот раз — жеребцом-единорогом с поражённым болезнью глазом и

только тремя ногами (это был результат не несчастного случая или жестокости — то был врождённый дефект. Он родился в племени, живущем слишком близко к Филлидельфийскому кратеру). Наш разговор был прерван, когда рабы один за другим прекратили свою работу, чтобы посмотреть в небо, покрытое чёрными облаками. Несколько указывали туда копытами. Многие перешёптывались.

Я взглянула вверх, чтобы увидеть причину волнения. Её оказалось нетрудно обнаружить. Над нашими головами летела небесная колесница, запряжённая двумя грифонами. Колесницу сопровождало крыло аликорнов.

— Что ж... — пробормотал изуродованный жеребец, — похоже, Красный Глаз здесь.

* * *

Я стояла в том же месте, где и вчера. Кровь работоторговца, пущенная Стерн, всё ещё окрашивала асфальт. Вокруг меня, прижавшись, собрались другие рабы. На крышах вокруг нас выстроились грифоны в броне Когтей. Стерн заняла своё любимое место и уставилась на нас. Её бронебойная винтовка была перекинута на спину, но я ещё помнила, как быстро она может её достать.

Разговаривающие затихли, Марш Параспрайтов оборвался на середине песни.

Несколько пони около меня нервничало. Я заметила Блад и Нарца в толпе. Блад выглядела скучающей, разглядывая своё копыто. Нарц выглядел мрачным.

И наконец я увидела его. Красного Глаза.

Пони, которому я ставила в вину немалую часть неправильности Эквестрийской Пустоши, спускался с аликорницами по бокам по рампе с правой стороны здания, на котором сидела Стерн.

Красный Глаз был крепким, сильным земнопони-жеребцом со шкурой багрового цвета и несколькими шрамами там, где должна быть его кютимарка. У него были хорошо причёсанные чёрные как смоль грива и хвост. Он носил чёрный плащ, который ниспадал с его правой стороны. Я видела только левую сторону его тела, пока он шагал по направлению к центру крыши, левый глаз его был определённо голубого цвета.

Я не была уверена, чего ожидала. Чёрт, я думаю, что ожидала увидеть монстра-аликорна размером с Шар Пинки Пай, источающего зло и волны мощи. Или что-нибудь столь же абсурдное.

Красный Глаз был... всего лишь пони.

Я могла бы покончить со всем этим прямо сейчас! Мне просто нужно было что-нибудь большое и тяжёлое. Я могла бы левитировать это к нему сверху и отпустить. Даже если грифоны заметят меня, даже если Стерн меня пристрелит, я могла бы согласиться с этим, если прихвачу на тот свет и его с собой.

Одна из аликорниц оглядела толпу, её глаза быстро меня обнаружили. Она раскрыла крылья и

поднялась в воздух, следя за мной. Чёрт! Они помнили, и они не позволят мне применить тот же трюк во второй раз.

С дрожью я поняла, что аликорны знали, что я здесь. А также их Богиня. И это, я подозревала, означало, что Красный Глаз тоже.

Это был дурацкий план.

Посреди крыши на краю здания был отрезок перил, когда-то державших вывеску. Красный Глаз подошёл к нему, а две аликорницы заняли позиции по обе стороны. Он повернулся к нам, расставляя передние копыта на перилах и глядя вниз. Я раскрыла рот в изумлении, земля внезапно стала уходить из-под копыт.

— Работники! Добро пожаловать! И благодарю за то, что присоединились ко мне. — Красный Глаз был ещё более харизматичным вживую, его слова были вкрадчивы, гладки и чертовски убедительны. Но я едва слышала их, мой взгляд был прикован к красному свету, исходящему из металлической оболочки, что была вокруг того, что должно было быть его правой глазницей.

Киберпони?

Красный Глаз был киберпони?! Я смотрела в лицо техники, уровень развития которой вырос далеко за пределами терминалов и спрайт-ботов. У Красного Глаза были кибернетические имплантаты! Как? Где он их взял? Когда такого рода технология вообще стала возможной?

Мой взгляд бежал по его телу в поиске других признаков искусственных улучшений и остановился на его правой передней ноге. У Красного Глаза был ПипБак!

Красный Глаз был Выходцем из Стойла.

— Я многого потребовал от вас во имя будущего, — говорил Красный Глаз, когда я потрясла головой, чтобы выйти из моего полного ступора.

Малиновый кибер-жеребец даже носил свой ПипБак на той же ноге, что и я, что было редкостью.

— Но я бы не стал ничего требовать от вас, чего бы не требовал от себя самого, — утверждал Красный Глаз, глядя на нас. Красный луч его глаза сверкнул, проходя по мне. — Как вы видите, я был награждён, и не за свои заслуги, особым воспитанием, о каком хорошие пони нашей Эквестрийской Пустоши могут только мечтать. Я жил в Стойле, где такие роскоши, как безопасность, пища и чистая вода, принимались как данность. Один наш водный талисман мог бы обеспечить живительной влагой тысячи пони, но вместо этого применялся для легкомысленных радостей вроде фонтана атриума.

Тряхнув головой, он нахмурил брови.

— Взгляните на мой глаз. Моё Стойло предлагало медицинские и технологические разработки уровнем гораздо выше даже довоенной цивилизации. Пони в высших кругах Стойл-Тек задумали

провести в моём Стойле эксперимент с системой правления путём традиций земных пони...

Вскорми меня Селестия!

В Стойле Два всегда была Смотрительница-единорог. Я попыталась представить Стойло под управлением земных пони и с тем же рвением к прогрессу и промышленности, что было свойственно головам из Министерства Технологий. Что же они могли создать за более чем две сотни лет изоляции?

Ну, допустим, кибернетические импланты.

Я поняла, что упустила нить речи Красного Глаза, и упрекнула себя, что не уделила ему более пристального внимания при том, что он был прямо передо мной. Однако меня не покидало смутное ощущение, что я смотрелась во мрачное и чертовски кривое зеркало.

— ...видел Пустошь такой, какой она была. Но более того, я видел то, какой она должна быть! И какой она может снова стать! Той ночью, впервые, Богиня прошептала мне...

Я едва удержалась от фейсхуфа. В идее, что Богиня аликорнов говорила с Красным Глазом, ну или что у него создавалось такое впечатление, было куда больше смысла. Я знала пони в Стойле Два, которая иногда принимала радио Стойла на металлический зубной протез. И одной Селестии известно, что могло ловить то био железу в голове Красного Глаза, будь то по задумке разработчика или нет. Богиня телепатически обращалась к аликорнам. Может, она и к нему обращалась? Или он просто помехи ловил?

А ведь Проповедник в разговоре с Вельвет Ремеди предполагал, что Красный Глаз получал искажённые сообщения.

— ...И в первую очередь Она показала мне, насколько ошибочны были принципы моего Стойла. Насколько отталкивающей была вера в превосходство земных пони. Ни одно племя пони не выше другого. Мы все рабы Эквестрийской Пустоши, и только труд сделает нас свободными.

Пока Красный Глаз говорил, я вспомнила искажённые версии историй из прошлого, которые встречала в Стойле Двадцать Четыре. Даже повесть о Кобылице на Луне — повесть о тысячелетнем падении принцессы Луны в безумие в виде Найтмэр Мун, от которого её спасла группа друзей, которых она потом назначила главами своих Министерств — была переделана в повесть об обезумевшем принце. Если Стойл-Тек делали такое для успешного проведения в том Стойле эксперимента по мужскому доминированию, то я могла только догадываться, какими были методы в Стойле Красного Глаза.

— Но труд этот ничего не стоит, если его не разделить! Пока все мы не станем свободны, никто из нас по-настоящему свободен не будет. Да и не заслуживает быть! — Красный Глаз посмотрел куда-то в сторону со странно пристыженным видом. Затем с неожиданным неистовством он продолжил: — Именно поэтому моё Стойло было разобрано первым. Его двери и опоры были выдернуты и переплавлены, а бетонные стены и полы разрезаны для основания Собора — крепости, которую мы возводим на месте моего бывшего дома, крепости, которая станет

новой столицей нашей Новой Эквестрии и новым домом для нашей Богини во плоти.

Я пошатнулась.

— Пони моего дома были первыми присоединившимися к армии Детей Единства. Или, как было во многих случаях, они стали первыми рабочими на этих самых дворах, где трудитесь и вы сегодня. Я видел, как дар нашего Стойла был разделён, как водный талисман был отдан боровшемуся с трудностями городу, который теперь знает радости чистой прозрачной воды. Я направил величайшие умы наших лучших пони-учёных на решение задач грядущей новой эры. От моего дома осталась лишь эта мантия, которую я ношу как напоминание, — улыбнулся нам Красный Глаз. — Всё, что я когда-либо имел, я отдал. Так же, как отдаёте и вы сегодня... — Его глаза, и механический и натуральный, окинули взглядом толпу пони. Голос его звучал по-отечески. — И я просто не могу гордиться всеми вами ещё больше.

Красный Глаз бросил взгляд на Стерн. Чёрная грифина кивнула белопёрой головой, однако, только он отвернулся, скривила клюв. Одна из аликорниц продолжала кружить в воздухе, находясь на страже на случай неопознанных левитируемых объектов.

Взглянув на нас снова, озаряя нас своей улыбкой из-под облаков цвета сланца, Красный Глаз объявил:

— И потому я решил подарить вам передышку. Завтрашний день объявлен днём отдыха. Никто не должен трудиться. Кроме того, бар Ромер будет открыт для всех желающих отведать лучшего конского виски во всей Филлидельфии!

Слова лидера работоторговцев были встречены топчущими аплодисментами и радостными выкриками. Сумасшествие какое-то. В благодарности толпы было смысла не больше, чем в местной овсянке. Оглянувшись, я всё-таки нашла несколько пони, не поддавшихся всеобщему ликованию. Одним из них был Нарц, хотя Блад, похоже, радовалась за них двоих.

Красный Глаз расплылся в доброй улыбке и взмахнул копытом, требуя тишины. Гул и топот прекратились с трудом, будто бы их душили.

— Также я устраиваю и развлечения. Два полных Турнира в Яме для всеобщего удовольствия, вход свободный! — Он окинул толпу взглядом. — Но это, конечно же, если найдётся несколько добровольцев.

Тишина переросла в тяжёлое молчание. Рабы посмотрели друг на друга.

— И у нас есть один претендент! — объявил Красный Глаз, глядя в толпу. — Ещё желающие?

Я осмотрелась вокруг, пытаюсь увидеть, что за пони вызвался на эти кровавые состязания. Нарц поднял копыто. Блад шокированно смотрела на него.

Затем, не спеша, в знак товарищества, что, я думала, за пределами возможности порочной бывшей рейдерши, Блад встала рядом с жеребцом цвета мочи и подняла собственное копыто, опустив

голову со вздохом.

— Да чтоб тебя, Нарцисс! — пробормотала она. — Как я тебя, блядь, ненавижу...

Голос Красного Глаза подсчитал:

— Это два!

* * *

Всё полетело к чёрту через час после выступления Красного Глаза.

Я уже возвращалась к Плугодному, когда крик кобылицы заставил меня пуститься бегом. Крик доносился из строения, потускневшая надпись на котором гласила: "Зеркальный Лабиринт и Дом Чудных Отражений!" Крик повторился, и я бросилась внутрь.

Интерьер был довольно тёмным и пыльным, в воздухе кружили пылинки, пол был устлан битым стеклом. Не желая порезаться, я слегка левитировала себя, шагая. Я оказалась в лабиринте, как и было заявлено, но лишь немногие рамы сохранили больше, чем несколько зеркальных осколков, упёршихся в задник рам. Старые граффити наводили на мысль, что когда-то банда рейдеров использовала это место для "увеселений" в своём стиле.

— Нет! Отвалите от меня! — закричала кобылица, и я остановилась, как только узнала этот голос. Это была Блад.

Я услышала смех. И голос жеребца, хриплый и жестокий, который спрашивал:

— А теперь, почему бы нам не повеселиться этой ночью? Это будет правильно, учитывая, что завтра в Яме ты сдохнешь!

Я слышала мычание, похожее на голос Нарца. А потом звук удара чем-то деревянным о тело пони.

Я побежала вперёд, пока не поймала отражение сцены в оставшейся трети разбитого зеркала. Два пони-рабовладельца прижали Блад к стене. Я увидела кровь, текущую из ран на её крупе, сделанных осколками зеркала позади неё. Один из работорговцев был единорогом, левитирующим рычажный дробовик перед лицом Блад и похотливо притеснявшим её. Жеребец рядом с ним наставил на неё обрез, практически идентичный самому первому увиденному мной огнестрельному оружию.

Ещё три работорговца свалили Нарца. Одна из них, кобыла, пыталась заставить его повиноваться, избивая прикладом своей винтовки.

Моё сердце вспыхнуло от гнева. Я почувствовала, что мои нервы воспламенились. Пони в моей голове пыталась напомнить мне, что я не могла начать убивать работорговцев, что этот мой единственный шанс добраться до Красного Глаза требовал до конца оставаться незаметной, что мне всё ещё нужно проделать много работы...

...И что в любом случае я совершенно не хотела спасать эту садистскую суку и её дружка-наильника. Какого чёрта я буду рисковать своей жизнью, рисковать всем ради них?

И абсолютно ничего из этого не возымело значения, когда в ярком свете моего рога по всей комнате всплыли сотни смертоносно-острых осколков зеркал.

Пони-работорговец с обрезом успел только один раз выстрелить, до того как комната превратилась в один большой кухонный комбайн. Он промазал.

* * *

Чрезвычайно кровавое убийство пяти работорговцев не прошло незамеченным. Для привлечения внимания хватило одного выстрела. И вот теперь я бежала по лабиринту, отчаянно пытаюсь найти путь наружу, а охранники в тяжёлой броне и боевых сёдлах гнались за мной.

Я покинула Блад и Нарца живыми и глубоко шокированными, коридор стал разукрашен кровью так, что рейдеры позавидовали бы. Я прихватила чьё-то рычажное ружьё и винтовку кобылы, остальных обыскивать времени не было. Патроны были только те, что остались в оружии. А согласно Л.У.М.у, их было немного: два в ружье, двенадцать в винтовке.

Красные метки на Л.У.М.е сообщили о ещё двух охранниках впереди меня. Они, несомненно, уже окружили здание. Осталась лишь надежда выбраться отсюда и сменить место действия, до того как в ход пойдут не только ближайшие силы работорговцев.

Всё-таки нужно было тогда выбрать СтелсБак.

Красные метки двигались и, пробираясь сквозь лабиринт, приближались. Я присела, затаившись с ружьём наготове. Лишь только голова первой охранницы показалась в коридоре, я скользнула в З.П.С. и открыла огонь. Первая охранница тяжело рухнула, кровотока разорванным горлом. Сразу за ней была вторая. Ей в лицо ушёл последний выстрел ружья, центрированный на её левый глаз. Я бросила ружьё и помчалась вперёд.

Позади я слышала окрики и топот закованных в броню копыт по битому стеклу.

Впереди я встретила открытый дверной проём, в который пробивались сумерки из-за стоявшего в нём работорговца. Это была единорожица, и она левитировала перед собой щит, завершая установку пулемёта на входе. Бля!

Я нырнула в ответвление и попятилась в его тупик, взвешивая варианты. Работорговцы позади меня уже подбирались ближе.

Я неожиданно столкнулась с зеркалом позади меня, от прикосновения по телу прокатилась волна холода. Я обернулась, глядя в единственное уцелевшее зеркало в Доме Чудных Отражений, и застыла на месте.

Из зеркала на меня глядела я... но и не я. Литлпип, смотревшая из зеркала, была в латаной рейдерской броне. Множество ран от выстрелов, она уже умирала, её тело сдавалось, а она пристально смотрела из стремительно слабеющей боевой стойки, своим взглядом бросая мне вызов, спрашивая, осмелюсь ли я сделать ещё хоть шаг.

Я в ужасе съёжилась, развернулась и выбежала оттуда.

И оказалась прямо на мушке пулемёта.

Я уже валялась бы кровавым месивом, если бы моё внезапное появление не оказалось столь неожиданным для единорожки. Секунды её промедления хватило мне, чтобы схватить и развернуть телекинезом пулемёт, открывая огонь. Щит явно мало что мог противопоставить его великолепной огневой мощи.

Я на миг задержалась, безуспешно попытавшись снять пулемёт со станка и забрать с собой. Затем рванулась через дверь наружу.

С одного из Шаров Пинки Пай выстрелил снайпер. Пуля прожужжала мимо, попав в тележку из-под попкорна. Я стала вилять, стараясь быть как можно более трудной мишенью. Мне нужно было безопасное место, желательно где-нибудь повыше. Пора было звать Каламити. Весь план накрылся.

Над головой пролетела грифина, обстреляв меня из пистолета-пулемёта. Я сменила курс в надежде, что меня не загоняют в угол.

А так и было. Мой путь перекрыла кованая железная ограда, окружавшая парк аттракционов. Они завели меня в ловушку.

По крайней мере они хотели так сделать. Пробегая мимо опрокинутого кондитерского лотка ("Розовые пироги Пинки Пай!"), я подхватила магией дюжину жестянок от пирогов и расположила их перед собой. Я левитировала каждую жестянку выше предыдущей, получив в итоге ступеньки. Охватив себя полем левитации для устранения веса, я избежала по лестнице из жестянок и перепрыгнула через ограду.

Снайпер на Шаре Пинки Пай снова выстрелил, продырявив последнюю жестянку, как только моё копыто её покинуло. Грифина развернулась и продолжила преследование. Но, хоть и ненадолго, я свела число противников к двум.

Я упала, перевернулась и, активировав заклинание прицеливания, выпустила половину пуль из винтовки в бронированный живот грифины, пролетевшей надо мной. Броня Когтей оказалась весьма добротной. Грифина не погибла, даже крови не было, но удары пуль перебили её дыхание, отправив на жёсткую посадку.

Только я с перекатом вскочила на копыта, как ещё один выстрел снайпера угодил прямо туда, где только что была моя голова. Нужно было убираться от этого снайпер-пони! До Каламити он не дотягивал, но стрелял пугающе хорошо. А с его пушкой с лихвой хватит и одного попадания.

Я побежала к ближайшему нетронутому зданию, выстреливая последние пули в двух пони, охранявших его. Я бросила винтовку, сменив её на пистолет одного из охранников, и вломила в главных вход отеля Альфа-Омега.

* * *

Отель, в котором когда-то проводился Праздник Летнего Солнцестояния, видал и лучшие времена. Аура разрушенной роскоши цеплялась за интерьер подобно его потускневшим и облезающим обоям. Застоявшийся воздух наполнился пылинками и духом тлена. Кое-где сквозь трещины в потолке просыпались струйки песка и пыли от рассыпавшейся штукатурки.

Отель стал домом для тех, кто понимал, что находился на прославленной скамье смертников.

Вдоль бара сидели пони и топили ночь в алкоголе, зная, что завтра большинство из них жестоко убьют в кровавом зрелище на потеху толпы. Толпы, полной собратьев-рабов, которые как-то могут смотреть в Яму и не видеть там самих себя. Которые могут смотреть... и даже радоваться.

Я ощутила тяжесть на сердце, когда поспешно проходила через небольшое скопление пони-рабов. Они если и глянули на меня, то лишь мельком. Им было всё равно. А почему должно было быть иначе? Очевидно, мы были просто неспособны проявлять внимание друг к другу.

Я смахнула влагу с глаз и поискала взглядом лестницу. Если я выберусь на крышу, то смогу позвать Каламити и убраться отсюда ко всем чертям.

Тяжело ступая по гнилому ковру, я прокладывала свой путь наверх по Альфа-Омега. Л.У.М. обнаруживал целую толпу дружественных меток, но ни одного пони (или грифона), кто был бы враждебен. Я прошла мимо картины, изображавшей изящную фигуру Селестии посреди похожего на большой бальный зал помещения, лицо её озаряла добрая улыбка, окружала её красочная толпа веселящихся пони. Праздник Летнего Солнцестояния в полном разгаре.

Изображение посерело от возраста и пыли.

— О Богини, какое же удручающее место, — пробормотала я, почти желая, чтобы охранники снова гнались за мной. Как будто только так адреналин защитит меня от покрова отчаяния, уже начавшего сдавливать мне горло.

И где же они?! У меня на хвосте должна была быть вся армия Стерн. Что-то не похоже, чтобы снайпер не видел, где я скрылась.

Может, они решили, что я загнала себя в ловушку? Но даже если и так, я не могла поверить, что они просто сядут там внизу и дадут мне возможность здесь как следует обустроиться. Так почему же они не шли за мной?

Я достигла следующего лестничного пролёта и начала подниматься дальше.

Только я добралась наверх, как все дружественные цели на моем Л.У.М.е начали становиться

красными. Я насчитала уже десятки противников. Слишком много — на локаторе они отображались уже одной большой слипшейся линией, что делало невозможным определение позиций отдельных противников.

Я левитировала автоматический пистолет и присела как можно ниже, надеясь, что так я смогу прокрасться мимо большинства из них.

Дверь открылась, но не по вине моего копыта или рога, но от телекинетического удара единорога с той стороны. Я активировала заклинание прицеливания, надеясь подстрелить противника, до того как он меня заметит. И снова застыла.

Жеребёнок!

Малыш, который неумело левитировал однозарядный дробовик, даже не достиг ещё того возраста, чтобы получить кютимарку.

За ним я видела ещё детей, маленьких кобылок и жеребчиков, все они выглядели упитанными, хорошо ухоженными... и чересчур хорошо вооружёнными. Сама комната ярко освещалась и, видно, не так давно была окрашена в позитивные цвета. Все серьёзные трещины были заделаны (подозреваю, что магией), воздух был значительно чище. В отличие от зданий, занимаемых рабами или работоторговцами, этот восстановленный этаж весьма неплохо отражал своё прежнее величие. Я поразилась ещё больше, когда заметила школьный класс через дверной проём напротив.

В моей голове прозвучал голос Красного Глаза:

...Молодые эквестрийцы всегда были и остаются для меня приоритетом номер один. Всё, что мы делаем, чем мы жертвуем, делается для них, чтобы они смогли жить в лучшем мире.

Сцена, развернувшаяся перед моими глазами, была одновременно прекрасной и ужасающей.

Маленькие поняши, оторванные от дома и их семей и переданные на попечение "любящих, проверенных кобыл и жеребцов". Их настоящие семьи умирали в городе внизу, порабощённые и содержащиеся под присмотром за Стеной. Хотя им уделялось внимание и наилучший из возможного уход... Вероятно, им жилось лучше, чем кому-либо в Эквестрийской Пустоши.

И их обучали. Образование. Идеологическая обработка. Конечно, они любили его. Они были бы готовы убить за него.

Красный Глаз строил школы. И он собирался получить возможность печатать свои учебники.

И этот сценарий должен был повториться везде.

Нет, я не могла. Я отключила заклятие прицеливания.

Я не могла прокрасться мимо всех. И я не могла, просто не могла с ними сражаться.

— Эй! — жеребёнок крикнул вниз. — Она здесь, наверху!

Я развернулась, чтобы убежать, но сзади я увидела синюю аликорницу, тихо поднимающуюся по лестнице ко мне.

Я бы сделала фейсхуф, будь у меня на это время. А я ещё задавалась вопросом, почему это никто не пошёл за мной. Во имя Богинь, как я могла забыть, что некоторые из этих монстров могут становиться невидимыми?!

Рог аликорницы светился. Металлическое яблоко поплыло ко мне, я услышала отлетевшую чеку. Аликорница точно выживет, но даже если бы выжила я, жеребёнок рядом со мной уж точно погиб бы. Если бы у меня было чуть больше времени, я бы остановилась, чтобы задаться вопросом, какого чёрта аликорница угрожают жизни жеребёнка, если молодые пони так сильно дороги Красному Глазу. Но времени на это не было. Инстинктивно я сосредоточилась магией на гранате, пытаюсь отбросить её прочь.

И поняла свою ошибку, когда окружающий мир стал ускользать от меня. Последним, что я видела в этом мире, было то, как аликорница развеивает иллюзию вокруг шара памяти.

Они запомнили. Они научились. А я попалась на собственный трюк.

* * *

<-----ooO Ooo----->

Всё обрело практически невыносимую резкость. Краски стали более красочными. Контуры предметов практически пульсировали. Солнечный свет был солнечнее, чем я его когда-либо могла себе представить. Яркий, тёплый и сияющий сверх всякого чаяния. Я чувствовала запах куста, за которым стояла, цветов невдалеке, травы. Я чуяла двух пони, за которыми наблюдала. Пот Эплджек вызвал бы у меня зуд в недавно повреждённых местах, если бы это было моё собственное тело.

Это было не оно, впрочем — факт, который я осознавала с гиперчувствительностью. Я ощущала слабое жжение на левом переднем копыте, как будто только что тронула горячую плиту. У меня чесалась щека, едва заметно болели задние ноги и было покалывание вдоль спины. На языке чувствовался знакомый приятный вкус перечной мяты.

О нет...

С нарастающим ужасом я поняла, что моя хозяйка была под действием минталок.

О нет, умоляю! Я этого не вынесу!

Действие наркотика было не так сильно выражено. Я получала повышенную скорость восприятия и яркие ощущения, но не было заметно никаких других побочных эффектов. Тем не менее, это было слишком удобно, слишком заманчиво.

— Здорово, Флаттершай, — сказала Эплджек, с улыбкой приветствуя свою подругу, когда жёлтая пегаска мягко приземлилась на траву, как будто боялась её потревожить.

— Привет, Эплджек, — ответила она робко.

— Ну, так чё привело тебя в наши края?

— Ну... — Робкая пегаска опустила глаза и потёрла одной ногой другую. — Я... эм... то есть...

Эплджек закатила глаза.

— Ну же, девочка. Выкладывай уже. Что-нибудь случилось?

Пегаска глубоко вздохнула и выпалила на одном дыхании:

— Не ищешь ли ты для себя близкую подругу? Потому что, если ищешь, то мы могли бы... эм... ну, знаешь...

Она замолчала, явно не представляя, чем хорошие близкие подруги занимаются в уединении своих постелей.

Моя хозяйка едва сдержала смехок, когда Эплджек выпучила глаза. Затем та нахмурилась, обошла густо покрасневшую пегаску и побилась головой об дерево.

Закончив, она повернулась к Флаттершай.

— Ладно. Хватит. Чё за мода пошла у моих друзей налетать на меня, притворяясь, будто меня тянет на кобылиц? Ты всё прекрасно знаешь. И ты сама натуралка. — Она сделала шаг вперёд. Флаттершай пискнула и отступила назад. — Флаттершай, я тебя знаю. Так что будь со мной прямо.

— Нуу...

— Эт Рэйнбоу Дэш втянула тебя в это? — спросила Эплджек.

— о! — пискнула Флаттершай, но покачала головой. — Нет.

Эплджек выглядела сомневающейся.

— Значит, ты говоришь, что выдумала это всё в одиночку?

Флаттершай покачала головой.

— Значит, Рэйнбоу Дэш тебя в это втянула!

— Нет, — тихо возразила она. Моя хозяйка начала двигаться, тихо выползая из-за куста.

— Но... кто-то втянул? — сообразила Эплджек. Её жёлтая подруга кивнула. — Кто?

Моя хозяйка подкралась к Эплджек так быстро и скрытно, что даже я не заметила, как это произошло. И всё же меня ставило в тупик, как мы могли стоять так близко, и при этом ни одна из пони, казалось, не замечала нас. Были ли мы невидимы? Это, конечно, был бы не первый раз, когда я обнаруживала себя в магически сокрытом существе, которое шпионило за Кобылицами Министерств. Но я точно была в земной пони...

Эплджек развернулась и оказалась нос к носу с моей хозяйкой. Испуганная, она так быстро отскочила, что упала на спину.

— Пинки Пай!

— Хайа! — почувствовала я, как произносит мой рот очень высоким, но приятным голосом. — Оой! Ты меня поймала!

— С какой напасти ты... — начала светлогривая пони, но осеклась. Затем сделал фейсхуф, так и лёжа на спине в совершенно унижительной позе. — Ты! Это всё один из ваших с Рэйнбоу розыгрышей, да?

— Ага! — сказала я весело и начала подскакивать на месте. *Подскакивать?!*

Эплджек встала на ноги и строго посмотрела на меня и мою хозяйку.

— Не против, если я спрошу зачем?

— Ну, ты была совсем грустно-пони с самых похорон...

— Конечно была! — вспыхнула Эплджек. — Я похоронила брата!

— ...и ты работала очень, очень много, — продолжала Пинки Пай. — И ты никуда не ходила, и не бывала на вечеринках, и не виделась с друзьями. И даже не разговаривала с парнями целую *ве-ечность!*...

Эплджек фыркнула.

— Откуда те знать, когда я...

Она резко замолкла, поняв, насколько глупо звучал этот вопрос, учитывая то, кого она спрашивала. Флаттершай скользнула назад, почти что спрятавшись.

— ...и ты совсем заработалась и перенапряглась, и ты сожжёшь себя, если не будешь осторожна, и тебе очень, очень нужно потрахаться с кем-нибудь!

Эплджек повесила голову. Пинки Пай была... безнадёжна, в лучшем случае.

— Это ведь не кончится, пока я не найду се парня?

— Неа! — объявила Пинки Пай, подскочив на месте. Как, чёрт возьми, она умудрялась так подскакивать на всех ногах сразу? Я была внутри неё и всё ещё не могла этого уразуметь.

— Что ж, поможет ли мне, если я скажу, что есть один парень, на которого я положила глаз?

Пинки Пай прекратила подскакивать и уставилась в пустоту. Чесотка переместилась со щеки на подбородок. Она повернулась к Эплджек и сказала:

— Ага, это правда. Но чесучий подбородок значит, что ты ему ещё не сказала. Ты должна поговорить с ним!

Эплджек вздохнула.

— А если поговорю, это безобразие закончится?

Мир передо мной закачался, так как Пинки Пай энергично закивала.

Моя хозяйка начала неугомонно повторять "Давай!", прыгая кругами вокруг Эплджек.

— Ладно. — Эплджек выставила копыто и остановила Пинки Пай. — Но при одном условии!

— Каком?

— Вы поклянётесь... — Эплджек повернулась к Флаттершай. — ...Обе поклянётесь, что Рэйнбоу Дэш не услышит ни слова об этом!

— Но... — начала Пинки Пай, — если Рэйнбоу Дэш не узнает, то как же она поймёт, что пора заканчивать розыгрыш, глупая?

— От Рэйнбоу я это стерплю, — сказала Эплджек уверенно. — По крайней мере теперь, когда знаю, откуда эт пошло. Но этот мой возможный парень... в общем, у него довольно забавное имя... и я думаю, что Рэйнбоу может не удержаться от того, чтоб всё не испортить.

Вау, это всё звучало как-то неубедительно. Эплджек, кажется, тоже это поняла.

— Слушайте, я скажу ей сама, когда буду готова. Не раньше. — Она взглянула на своих подруг. — А теперь клянитесь Клятвой Пинки Пай!

Клятвой Пинки Пай?

Моя хозяйка отреагировала незамедлительно. Я с трудом уследила за странными движениями (которые закончились тыканьем копытом в мой глаз!), сопровождавшимися небольшим стишком, который Пинки Пай и Флаттершай умудрились прочитать совершенно синхронно:

— Через сердце на луну кексик в глаз себе воткну!

Эплджек вздохнула с облегчением. Трое друзей начали идти, и моя хозяйка оказалась чуть позади.

— О... вот опять.

Эплджек и Флаттершай остановились и посмотрели назад.

— Что "опять"?

— Пекущее копыто значит, что Литлпип наблюдает за мной, — неожиданно выпалила Пинки Пай. — Или будет наблюдать. Я пока не уверена. — Она запрыгала вслед за друзьями. — Интересно, что ещё за Литлпип?

<-----ooO Ooo----->

* * *

— В крематорий? — предложила Стерн, глядя на меня. Я была связана и прикована к полу. И, как будто этого было недостаточно, две зелёные аликорницы недвижимо нависали надо мной, держа меня в ловушке своего магического щита.

Мало того, что я совершила большую часть поступков, по словам Стерн, гарантировавших смерть, я ещё и сделала это весьма агрессивно. И хотя я сильно провинилась, она нашла время, чтобы перечислить имена всех рабовладельцев, которых я убила, прежде чем меня поймали, что было неизбежно.

— Нет, — сказал Красный Глаз, вызвав вид шока и неудовольствия у грифины. Кибернетический жеребец приблизился и встал передо мной. — Сегодня я чувствую себя особенно щедрым.

Я засомневалась, что меня должно было заботить его понятие щедрости. Но, вспомнив ужасную историю о пони, которую пожрали изнутри постоянно размножавшиеся параспрайты, я всё же почувствовала благодарность.

Обращаясь непосредственно ко мне, Красный Глаз спросил:

— Ты думаешь, я монстр?

— Да, — ответила я прямо.

Он пожал плечами.

— Потому что, конечно, так оно и есть. И ты, Обитатель Стойла, конечно же видишь это более чётко, нежели большинство. Потому что мы с тобой многом похожи, не так ли?

— Ни капельки, — прошипела я сквозь зубы.

Красный Глаз усмехнулся.

— Я слышал о твоих подвигах. И я думаю, мы очень похожи. Даже больше, чем тебе бы хотелось. Только до этих пор тебе было гораздо легче.

В ярости я сплюнула.

— Легко?! Ты думаешь, то, через что я тут прошла, было легко?!

Красный Глаз улыбнулся мне почти отеческой улыбкой.

— Тот факт, что ты всё ещё стоишь тут и смеешь осуждать меня, говорит сам за себя. Тебе было трудно, я уверен. Но ты никогда не была вынуждена отказаться от своих принципов ради высшего блага. Принести себя в жертву и стать монстром, потому что это было бы правильным.

Ах, как же я была несогласна.

— Ты не смогла сделать это, даже чтобы сбежать, — отметил он. — За что, кстати, я тебе очень благодарен. Если бы из-за тебя хоть один волос упал с грив этих жеребят... — Он помолчал, потом сказал просто: — Спасибо.

Красный Глаз повернулся к Стерн. В поле зрения оказался его плащ: грубый прямоугольник из чёрной униформы охранников Стойла с жёлтым номером 101.

— Отведите её вниз и держите под охраной. Завтра она будет драться в Яме.

* * *

Выстроившись по номерам в темноте вместе с пятью другими пони, я потратила час на то, чтобы покопаться в записанных на ПипБак сообщениях мисс Перивинкль. Большинство из них было бесполезно, но одно было на самом деле интересным, от одной из Кобылиц Министерств... и не той, от которой я ожидала.

"Дорогая Мисс Перивинкль," — начал голос. Мне показалось очень странным слышать аудиосообщение, записанное, будто это было письмо.

"Было очень приятно услышать известие от вас снова. Новые плакаты для библиотек совершенны. Я надеюсь, что вам не будет в тягость произвести двести штук на следующей неделе?"

А также у меня есть один более... деликатный вопрос, который хотелось бы с вами обсудить.

Позвольте мне предварить это тем, что с тех пор, как Рэрити научила меня своему заклинанию поиска драгоценных камней, мы с ней время от времени встречаемся, чтобы обменяться

заклинаниями.

Должна признать — и поверьте, я говорю это не для того, чтобы похвастаться — она давно не приносила мне ничего, чего бы я уже не изучила. То есть, до встречи три дня назад.

Я была очень взволнована, увидев, что она узнала чары, которые я никогда не видела прежде. У неё было зачарованное маленькое зеркальце. Если вы взглянете в него, то вы увидите лишь своё отражение, как и в любом обычном зеркале. Но если вы его коснётесь или сосредоточите на нём свою магию, то зеркало запечатлит... ну, как она выразилась, запечатлит изображение вашей души. Затем вторые чары позволяют зеркальцу показать это изображение. Как Рэрити сказала мне, зеркало может показать, как вы выглядите. Как внешне... так и внутри.

Должна признать... я была не готова к тому, что увидела. И я всё ещё не уверена в этом. Но это... личное. Так вот, я хотела бы спросить вас, могли бы вы мне дать какие-нибудь предположения о том, где Рэрити могла узнать подобные чары? Я знаю, Рэрити будет переделывать любое заклинание до тех пор, пока оно не станет соответствовать её желаниям, но, если честно, я перерыла все свои книги, но не нашла ничего, что хотя бы отдалённо напоминает эти чары. Я знаю, вы последние несколько месяцев тесно с ней сотрудничали, так что я надеялась, что вам что-нибудь известно.

Кроме того, это едва ли стоит упоминать, но от этого заклинания я почувствовала... холод. Чего в заклинаниях Рэрити никогда не было.

Как бы там ни было, это в основном моё безудержное любопытство. И я прошу вас, пожалуйста, не говорите об этом с ней. Но если у вас есть какие-нибудь мысли по этому поводу, я буду очень признательна, если вы ими со мной поделитесь.

*Ваш друг,
Твайлайт Спаркл."*

Я удалила сообщения с ПипБака, но вот это одно сохранила.

Я сидела в тихой темноте вместе с пятью другими отмеченными душами и ждала.

* * *

Шум снаружи оповестил меня о том, что места вокруг арены быстро заполнялись. Я слышала Стерн; её голос, усиленный громкоговорителями, приветствовал всех на кровавом шоу. Я слышала, как копыта колотили трибуны в аплодисментах.

Меня перекосило от отвращения. Да как они могли? Это было просто омерзительно.

Ранее пони-работоторговка прижала какую-то тряпицу к моему боку, накрыв кютимарку. Она полурыча шепнула мне, что её заветное желание — это чтобы мои страдания были глубокими, мучительными и очень медленными. Она знала одного из насильников-работоторговцев, и я выжила здесь лишь потому, что Стерн смотрела. Но ей сойдёт с копыт покрытие нижней стороны тряпицы

каким-то жгучим порошком, который сильно мешал мне сосредоточиться.

У меня был третий номер.

Блад и Нарц были номерами один и два соответственно. Они сидели ближе к воротам, глядя на арену — большую цементированную площадку с клеткой, внутри которой были подвешены несколько бочек. Были видны нажимные пластины, расставленные по всей площадке, словно мины. Никто из них не говорил со мной, игнорируя моё существование. Я не могла решить, чувствовать боль или облегчение.

— Раньше это был ледовый каток, — непринуждённо заговорил жеребец синего цвета с номером четыре на боку. — Видимо, владелец Фермы Развлечений любил кататься на коньках. Просто будь благодарна, что Красный Глаз удалил водный талисман и нашёл ему лучшее применение. Это и так достаточно жестокие бои, чтобы проводить их на льду.

Я попыталась представить это, но безуспешно. Толпы снаружи зашлись хором, требуя сражения. Топот их копыт сливался в единстве, которым сама Богиня могла бы гордиться. Часть меня хотела перекалечить их. А ведь это были те, кого я пыталась спасти.

— Эй, считай, что тебе повезло, — пошутил синий пони. — Быть третьим номером не так уж и плохо. Тебе хоть кто-нибудь объяснил, в чём суть?

Я покачала головой. Рёв снаружи повышался в бурном темпе. Сначала слышался громкий гул, затем лязгающий звук, поскольку ворота начали подниматься невидимым никем внутри единорогом.

— Первый раунд! — прогремел голос Стерн. — Из красных ворот: весь путь от Каменных Ферм, Синдерблок! Это его второй Турнир, и, как вы знаете, он уже кое-что умеет! И с Чёрных ворот: она жестокая, она гадкая, она рейдер с количеством жертв большим, чем шипов в её волосах... Блад!

Блад встала, одно мгновение смотря подавленно на открытые ворота, затем подняла голову и побежала наружу, сделав храбрый вид, которому я ни на секунду не поверила.

— Видишь, — сказал Четвёртый. — Есть пара ворот. Мы у Чёрных. У каждых ворот есть шесть бойцов, пронумерованных в случайном порядке. Если выживешь в первом раунде, тебя выставят против следующего соперника из Красных ворот. Турнир длится до тех пор, пока не умрут все участники из каких-то одних ворот. Выжившие будут сражаться в следующем Турнире.

Я смотрела на Блад и вздрагивала.

— Значит, обычно хреново быть номером один. — Я не верила, что сочувствовала мерзкой рейдерше.

— Ну, это палка о двух концах, — сказал Четвёртый. Я посмотрела на него с недоумением. — В смысле, верно, что чем выше твой номер, тем выше твои шансы не участвовать в сражении. И любой, кто переживёт все шесть Турниров, получит свободу. Неважно, сражался он или нет.

У меня возникло ощущение, что Четвёртый прошёл через как минимум один Турнир таким образом.

— Тебе даже застолбят местечко в армии Красного глаза! — добавил он с энтузиазмом. Я было хотела указать ему на то, куда его может назначить Красный глаз, если он ни разу не сражался, но решила держать рот на замке.

Внезапный рёв толпы вернул моё внимание обратно на арену. Блад лежала в луже собственной крови. Синдерблок, спортивного вида серый жеребец, поднял своё копыто в победном жесте. Битва длилась секунды.

Моё сердце упало.

— В чём же выгода быть первым? — тупо спросила я.

Четвертый наклонился ближе, видимо, не понимая сути личного пространства.

— Так вот, видишь вон те бочки? А пластины? — Я кивнула на оба его вопроса. — Ступишь на пластину, и бочка упадёт. А бочки напичканы всякой дрянью. Обычно это радиоактивная жижа, но иногда в них бывает кое-что и похуже. Я слышал, что была бочка, заполненная порчей.

Меня передёрнуло, когда я посмотрела на клетку с бочками, сооружённую над ареной. Несколько грифонов парили в небе, следя за шоу через бинокли или оптические прицелы винтовок. Моё внимание привлекла встроенная в клетку дверца, которая была закрыта на простенький замок.

— Раунд второй! — прокричала Стерн. — Из Чёрных врат к нам пожаловал Нарцисс! — Толпа взорвалась ржанием и хихиканьем, когда Нарц вышел на арену. Он взглянул на окровавленный труп своей подружки, а затем устремил жёсткий взгляд на Синдерблока, взгляд, который я практически почувствовала, находясь за ним.

Нарцисс кинулся на светло-серого пони. Синдерблок побежал... но не к нему, а к одной из пластинок. Бочка сверху не свалилась. Вернее, когда серый пони пробежал по пластинке, нижняя сторона бочки распахнулась, и из неё обрушилось на землю с десятков мин, которые, отпрыгивая, разлетелись во всех направлениях. Нарц изменил направление с ловкостью, которую я от него не ожидала.

Мины были взведены на быструю детонацию, только один бип перед взрывом в вспышке дыма и осколков. Синдерблок был почти достаточно быстр, его задние ноги всё же задело и изодрало взрывом. Он всё ещё изо всех сил пытался встать на ноги, когда кровоточащий Нарц дошёл до него.

Я знала, сколь болезненен удар его копыт. Но видя это, я подозревала, что Нарц ещё сдерживался, когда ебанул по мне. Даже с его последним подлым ударом.

Толпа забила копытами и закричала, требуя ещё, когда Нарц принялся избивать другого жеребца, ломая сначала ему все ноги, затем остальные кости, пока тот не скончался.

Я почувствовала желчь во рту.

— Мины, — размышлял вслух Четвёртый. — Ну, это что-то новое. — Я одарила его мрачным взглядом. — Эй, как я уже говорил, в этих бочках внутри всякая дрянь. Но одновременно с этим в них всегда есть какая-нибудь пушка или две. Так что, если ты первая, то сможешь успеть выбрать что-нибудь подходящее из бонусов. А если ты выступаешь последней, ну тогда... придётся сражаться с вооружённым противником на арене, заполненной каким-нибудь дерьмом и Богиня знает чем ещё, и всё, что у тебя есть — это твои копыта. Хреново сражаться последним.

— Раунд три! — объявила Стерн, когда наконец Нарц закончил месить копытами тело Синдерблока и начал избиение уже мёртвого пони. — У Чёрных ворот у нас по-прежнему Нарцисс, очень неплохо показавший себя в своём первом бою. Я не думаю, что кто-то из вас, пони, будет ржать над его именем теперь, не так ли?

Толпа зааплодировала забрызганному алым жеребцу, чья кьютимарка-цветок частично показалась из-за намокшей в крови и просевшей наклейки со вторым номером.

— А теперь та, ради которой вы все здесь собрались!

Толпа смолкла в радостном предвкушении.

— Внимание на красные ворота! Она демон во плоти, она экзотична, и она не проиграла ни одного боя! Приветствуем победителя четырёх Турниров подряд! Ксенит!

Первой мыслью, пришедшей мне на ум при слове "экзотичная", был образ пегаски. Возможность столкнуться на этой арене с летающим противником пугала. И, если она была действительно так хороша, как её расписали, то я очень скоро окажусь перед ней: сразу же, как она прикончит Нарца.

Красные ворота открылись, и Ксенит вышла на арену под гром и стук абсолютно подавляющего большинства аплодисментов. Судя по её выражению лица, ей это внимание несколько не льстило. Взгляд, которым она окинула Нарцисса, отчетливо показывал то, что ему придется умереть. Она была уверена в этом, и это не приносило ей никакого удовольствия. Вообще.

Судя по отсутствию крыльев, пегасом она не была. Судя по полосам, она не была даже пони.

— Она зебра!

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Спокойная под обстрелом — Вы восстанавливаете очки действия быстрее. Насколько? Ну, вы уже догадались: на 20% быстрее!

[<<< оглавление >>>](#)